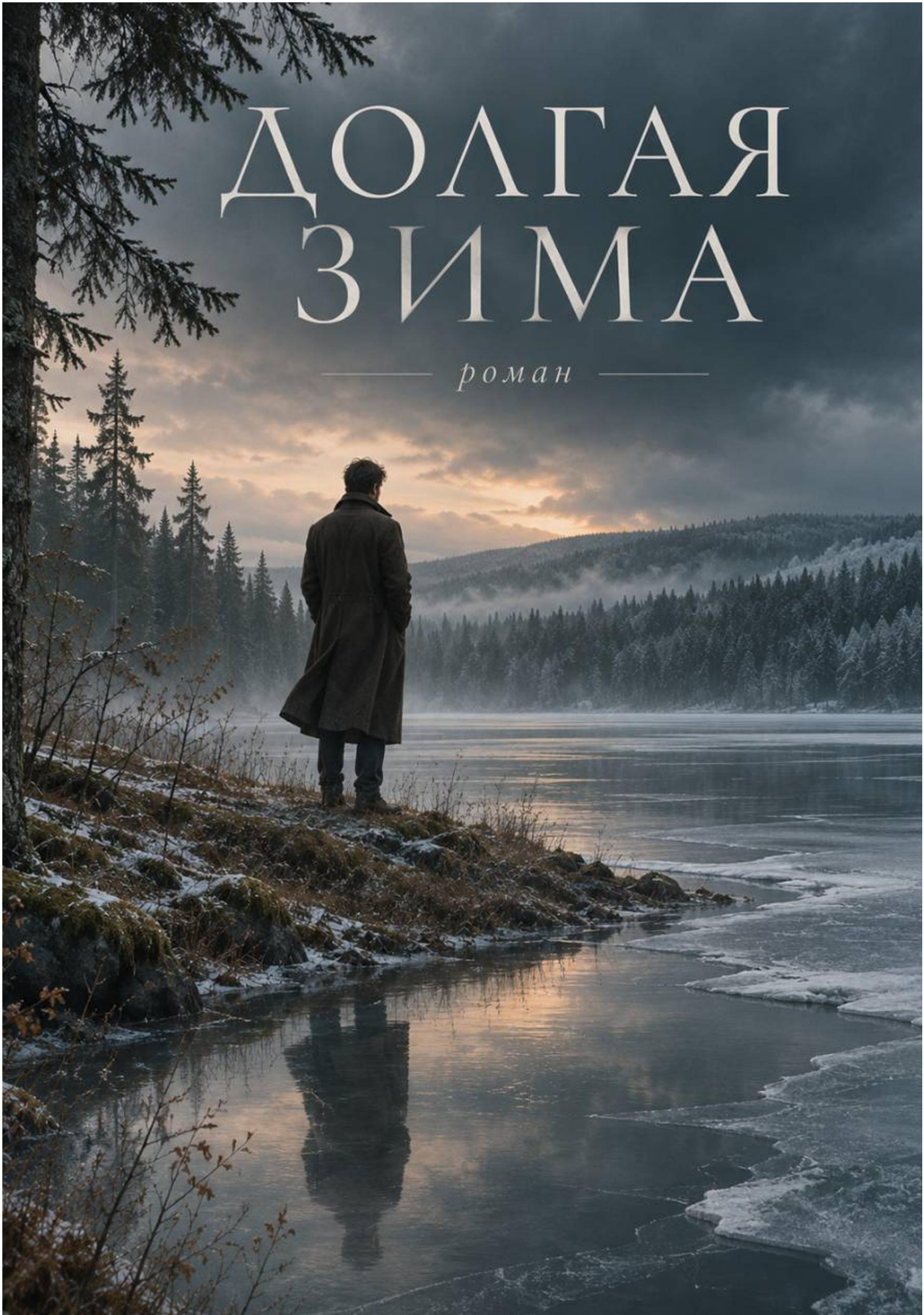

ДОЛГАЯ
ЗИМА
роман

Данила Верещак

Долгая зима

«Автор»
2026

Верещак Д.

Долгая зима / Д. Верещак — «Автор», 2026

Владимир привык считать себя человеком, способным подчинить собственную жизнь разуму и дисциплине, однако однажды обнаруживает, что внутри него словно существуют две противоположные личности: одна стремится к порядку и нравственному совершенству, другая — к удовольствиям, свободе и власти над обстоятельствами.В поисках ответов на мучительные вопросы Владимир оставляет привычную жизнь и отправляется в далёкую северную тайгу, надеясь среди суровой природы обрести внутреннее равновесие. Но возможно ли убежать от самого себя?«Долгая зима» — философско-психологический роман о двойственности человеческой души, гордыне, одиночестве и поисках подлинной свободы, о противостоянии добродетели и порока и о том, что самые важные истины порой открываются человеку лишь тогда, когда он перестаёт стремиться к совершенству.

© Верещак Д., 2026
© Автор, 2026

Содержание

ГЛАВА I 5
ГЛАВА II 14
ГЛАВА III 26
ГЛАВА IV 40
Конец ознакомительного фрагмента. 50

Данила Верещак
Долгая зима

Ах,
две души живут в больной груди моей,
Друг другу чуждые, - и жаждут
разделенья!
Из них одной мила земля -
И здесь ей любо, в этом мире,
Другой – небесные поля,
Где тени предков, там, в эфире.
Фауст Гёте

ГЛАВА I

Будильник зазвонил ровно без пятнадцати пять. Владимир выключил его, даже не открывая глаз. За многие годы это движение стало настолько привычным, что сознание, казалось, уже не принимало в нём никакого участия. Рука сама находила телефон на прикроватной тумбочке, касалась экрана, и спальня снова погружалась в тишину. Несколько секунд он лежал неподвижно, прислушиваясь к собственному дыханию.

За окном было темно. Город ещё спал, и в этой ранней, почти ночной тишине Владимир находил особенное удовольствие. Ему нравилось думать, что в то время, когда остальные люди продолжали беспомощно ворочаться под одеялами, он уже располагал своим днём. Он словно получал небольшое преимущество перед миром, который ещё не успел предъявить к нему никаких требований. Впрочем, иногда ему приходило в голову, что все эти ранние подъёмы, строгие правила и бесконечное стремление к дисциплине вряд ли имеют значение для кого-нибудь, кроме него самого. Но мысль эта не задерживалась надолго.

Он поднялся с кровати и направился в ванную. Холодная вода заставила его невольно задержать дыхание. Владимир несколько раз плеснул её себе в лицо, затем выпрямился и посмотрел в зеркало. На него глядел высокий мужчина с правильными чертами лица, коротко подстриженными волосами и немного уставшими глазами. Он не любил эту утреннюю усталость. Она напоминала ему о том, что человеческое тело, при всех усилиях его владельца, остаётся вещью несовершенной. Оно хочет спать, требует пищи, заболевает, стареет и в конечном счёте перестаёт повиноваться. Владимир предпочитал не размышлять об этой неприятной зависимости. Ему казалось, что при достаточной настойчивости можно научиться управлять даже тем, что обычно не поддаётся воле.

Он вытер лицо полотенцем и прошёл на кухню.

Здесь всё было приготовлено с вечера. На плите стояла чистая сковорода, рядом лежала деревянная лопатка. В холодильнике его ждали яйца и бекон. Кофейные зёрна были засыпаны в кофемашину, а любимая кружка стояла на своём месте. Владимир ценил порядок не столько за удобство, сколько за ощущение предсказуемости. Ему хотелось знать, каким будет его утро. И если начало дня удавалось провести без случайностей, он испытывал уверенность, что и всё остальное непременно сложится должным образом. Он приготовил яичницу с беконом, поел, вымыл посуду и налил первую кружку чёрного кофе. Потом вторую. Кофе он никогда не пил до еды. Это было одно из множества небольших правил, смысл которых он давно перестал подвергать сомнению. Впрочем, исключения допускались, и одно из них Владимир как раз собирался сделать. Он достал сигарету.

Курение было единственной привычкой, которую он сознательно не пытался согласовать со своими представлениями о здоровом образе жизни. Владимир прекрасно понимал, какой вред причиняет никотин организму. Он читал исследования, знал статистику и временами даже испытывал лёгкое отвращение к самому запаху табака. Но бросать не собирался. По крайней мере, пока. Ему нравилось считать эту привычку проявлением собственной свободы. В отличие от знакомых, которые постоянно жаловались на невозможность отказаться от сигарет, Владимир утверждал, что курит исключительно потому, что сам этого хочет. И всё же иногда, обнаружив, что очередная сигарета закончилась быстрее, чем он рассчитывал, он испытывал раздражение. Особенно если сразу возникало желание закурить следующую.

- Могу бросить в любой момент, - думал он тогда.

Но ни разу не попытался проверить это утверждение.

С кружкой кофе и сигаретой Владимир подошёл к окну. Внизу раскинулся внутренний двор жилого комплекса бизнес-класса. Три массивных корпуса образовывали букву «П», заключая между собой аккуратную площадку с деревьями, скамейками и небольшой парковкой. Фонари освещали очищенные от снега дорожки, редкие окна светились тусклым жёлтым светом. Восемь лет назад он снял здесь квартиру. Тогда ему казалось, что переезд станет окончательным началом самостоятельной жизни. Он выбрал район, где всё соответствовало его представлениям о благополучии: хорошие автомобили, ухоженные подъезды, закрытая территория, люди, которые не особенно интересуются чужими делами. Владимир не выносил назойливого любопытства. Подростком ему постоянно приходилось отвечать на вопросы родственников, знакомых родителей и соседей. Как учёба? Кем собираешься стать? Почему так редко улыбаешься? А когда женишься? Он давно усвоил, что большинство людей задаёт подобные вопросы вовсе не из желания получить ответ. Им просто требуется подтверждение того, что чужая жизнь развивается в соответствии с понятным им порядком. Сам же Владимир хотел жить по собственным правилам. Его родители принадлежали к тому кругу людей, который принято называть уверенным средним классом. Мать работала в страховой компании, проводя большую часть жизни среди документов, телефонных разговоров и бесконечных служебных обязанностей. Отец служил вторым помощником капитана и появлялся дома лишь на два месяца между длительными рейсами. Владимир не испытывал к ним неприязни. Напротив, он понимал, сколько усилий они приложили, чтобы обеспечить ему достойное детство. Он уважал их труд, ответственность и способность довольствоваться достигнутым. Но именно последняя черта всегда вызывала в нём недоумение.

Ему было непонятно, как можно прожить всю жизнь, постепенно приспосабливаясь к её обстоятельствам, вместо того чтобы пытаться изменить их. Мать радовалась стабильной зарплате. Отец дорожил привычной работой. Оба говорили о спокойной старости так, словно это и было главным назначением человека. Владимир же с юности боялся однажды обнаружить, что и сам стал таким. Он затянулся сигаретой и посмотрел на часы.

Пора.

В гардеробной пахло чистой тканью и лёгким древесным ароматом. Владимир выбрал выглаженную рубашку, тёмный костюм и галстук. Он не любил одеваться торопливо. Даже в те дни, когда времени оставалось немного, предпочитал сохранять привычную последовательность движений. Сначала рубашка. Потом брюки. Затем галстук, ремень, пиджак. Он поправил воротник перед зеркалом. Одежда имела для него особое значение. Владимир полагал, что отношение человека к собственному внешнему виду неизбежно отражается на отношении к жизни. Небрежность казалась ему первым шагом к внутренней распущенности. Впрочем, он никогда не задумывался, почему опрятно одетый человек непременно должен обладать более достойными нравственными качествами, чем человек в старом свитере. Это просто представлялось ему очевидным. Он взял ключи от автомобиля и вышел.

Дорога до офиса всегда у Владимира занимала двадцать восемь минут. Владимир знал это совершенно точно. За годы поездок он успел изучить движение на перекрёстках, продолжительность сигналов светофоров и даже особенности работы некоторых регулировщиков.

Двадцать восемь минут.

Не особенно много и не особенно мало. Но достаточно, чтобы ещё раз убедиться в возможности упорядочить окружающий мир.

Он ехал спокойно, слушая негромкую музыку. За окнами автомобиля медленно просыпался зимний город. По тротуарам шли немногочисленные прохожие, кутаясь в воротники пальто. Возле остановок собирались люди с одинаково сонными лицами. На перекрёстках образовывались первые очереди машин. Владимир наблюдал за всем этим с привычным спокойствием человека, который заранее знает, куда направляется. Но на двадцать шестой минуте поездки ему пришлось резко затормозить.

На крутом повороте, почти у самой обочины, стоял автомобиль с включённой аварийной сигнализацией. Рядом метался высокий худощавый мужчина в распахнутой куртке. Он то наклонялся к капоту, то выпрямлялся, растерянно оглядывая дорогу. Владимир остановился. Первым его чувством было раздражение. Не страх, не тревога и даже не беспокойство о незнакомце. Просто досада на обстоятельство, которого он не предусмотрел. Мужчина заметил машину и поспешно подошёл к водительской двери. Владимир опустил стекло.

- Извините, пожалуйста, - заговорил незнакомец. - Вы не могли бы помочь?

Голос у него был сбивчивый, немного хриплый от холода.

- Что случилось?

- Да машина заглохла. Уже не первый раз. Вчера нормально заводилась, сегодня опять. Аккумулятор, наверное. Вы не могли бы прикурить? Провода у меня есть, с крокодилами. Тут буквально пять минут.

Владимир посмотрел на часы. Незнакомец заметил этот взгляд.

- Я понимаю, вы торопитесь. Просто уже стою тут чёрт знает сколько, никто даже не остановился.

Владимир помолчал. Ему не хотелось тратить время. Но ещё меньше хотелось продолжать разговор, в котором неизбежно придётся объяснять причину отказа. Про себя он уже назвал незнакомца Карандашом. Такое прозвище показалось ему вполне подходящим. Мужчина был удивительно худ, с длинными руками и узкими плечами. Даже движения его казались угловатыми, словно он постоянно опасался задеть что-нибудь локтем.

- Меня Антон зовут, кстати, - сообщил тот.

- Владимир.

- Очень приятно. Я тут рядом работаю, в бизнес- центре. На четвёртом этаже. Ночную смену закончил, хотел домой поехать, а эта дрянь опять не заводится.

- На четвёртом? - переспросил Владимир.

- Да. А вы тоже туда?

- На восьмом.

- Вот это совпадение!

Антон улыбнулся с такой искренностью, будто обнаружил старого знакомого. Владимир не ответил.

Ему всегда казалось странным, как быстро некоторые люди готовы почувствовать близость к совершенно постороннему человеку. Достаточно выяснить, что они работают в одном здании, живут неподалёку или однажды отдыхали в одном городе, - и вот уже между ними возникает иллюзия знакомства.

Он помог завести автомобиль.

Всё действительно заняло немного времени. Когда двигатель наконец заработал, Антон несколько раз поблагодарил его, а затем, уже возле бизнес-центра, снова протянул руку.

- Выручили, Владимир. С меня кофе как-нибудь.

- Не стоит.

- Да нет, серьёзно. Я бы там до обеда простоял.

Владимир пожал плечами.

- Бывает.

Они пожали друг другу руки. Антон ещё что-то говорил о машине, но Владимир уже направлялся к лифтам. Он не испытывал удовлетворения от сделанного доброго дела. Скорее, ему было приятно, что небольшое дорожное происшествие осталось позади и можно наконец вернуться к привычному порядку. Через несколько минут он почти забыл о знакомстве. Впрочем, мысль о потерянном времени ещё некоторое время вызывала неприятное чувство.

На следующее утро Владимир проснулся в восемь двадцать пять. Сначала он не понял, что произошло. В комнате было светло. На потолке лежало бледное отражение зимнего солнца. Где-то за окном шумели автомобили, из соседней квартиры доносились приглушённые голоса. Он открыл глаза и несколько секунд лежал неподвижно. Потом резко сел. Восемь двадцать пять. Часы показывали это совершенно спокойно, словно не подозревали, какое значение имеет для него случившееся. Владимир посмотрел на телефон. Будильник уже давно перестал звонить. Как он его пропустил, было непонятно. Он попытался вспомнить момент пробуждения, движение руки, короткий звук отключённого сигнала. Но память не сохранила ничего. Впервые за долгое время утро началось без его участия. Это обстоятельство оказалось неожиданно неприятным. Он сидел на кровати и смотрел на часы. Следовало немедленно одеться, наскоро умыться, отказаться от завтрака и отправиться в офис. Вероятно, тогда опоздание оказалось бы незначительным. Но Владимира возмутила сама мысль о том, что теперь придётся торопиться. Он привык распоряжаться обстоятельствами. А обстоятельства вдруг потребовали, чтобы он подчинился им.

- Нет уж, - подумал Владимир.

Он встал и пошёл в ванную. Умылся холодной водой, как всегда. Потом направился на кухню. Приготовил завтрак, сварил кофе и достал сигарету. Всё это время он чувствовал странное упрямство, почти детское по своей природе. Ему казалось, что, сохраняя обычный распорядок, он каким-то образом исправляет случившееся. В конце концов, рассуждал он, если человек позволяет случайности нарушить привычки, не означает ли это, что все его принципы держатся исключительно на благоприятных обстоятельствах? Мысль была достаточно убедительной. Настолько убедительной, что он предпочёл не замечать очевидного: сейчас ему просто не хотелось признавать собственную ошибку.

Владимир допил кофе у окна.

Во дворе уже кипела жизнь. Люди торопились к автомобилям, родители вели детей, кто-то разговаривал по телефону, нервно расхаживая возле подъезда. Всё происходило как обычно. Только он сам оказался за пределами привычного времени. В восемь сорок две Владимир спустился к автомобилю. В офис он вошёл в девять тринадцать. И тут его ожидало новое, совершенно неожиданное разочарование. Никто не обратил внимания на опоздание. Сотрудники сидели за своими столами, разговаривали, отвечали на письма, ходили по коридорам. Начальник отдела даже не поднял головы, когда Владимир прошёл мимо его кабинета. Мир продолжал существовать так, словно ничего не произошло. Он остановился возле своего рабочего места и некоторое время смотрел на коллег.

- Неужели никто не заметил?

Неужели его отсутствие не нарушило обычного хода вещей? Владимир не мог бы объяснить, почему это задело его сильнее самого опоздания. Ведь именно подобной независимости от чужого мнения он всегда стремился достичь. Никто не контролировал его, не требовал объяснений и не собирался читать нравоучений. Казалось бы, следовало радоваться. Но вместо радости он испытывал раздражение. Если бы начальник сделал замечание, Владимир сумел бы

ответить спокойно, возможно, даже с некоторым высокомерием. Если бы коллеги поинтересовались причиной задержки, он ограничился бы коротким объяснением. Однако никто ничего не спросил. И его тщательно выстроенное представление о собственной значимости осталось без подтверждения.

- Людям просто всё равно, - подумал он.

Эта мысль показалась ему отвратительной.

Он сел за стол, открыл рабочие документы и попытался сосредоточиться. Но раздражение никуда не исчезло. Напротив, с каждым часом оно становилось всё более заметным. Его выводили из себя разговоры коллег, звонки телефонов, чьи-то неуместные шутки, хлопанье дверей. Владимир понимал, что люди не делают ничего необычного. Всё происходило точно так же, как вчера и позавчера. Изменилось лишь его собственное состояние. Но признать это оказалось сложнее, чем найти недостатки в окружающих.

К вечеру он почувствовал усталость. Не физическую, а какую-то внутреннюю, раздражающую. Весь день Владимир старался восстановить привычное ощущение уверенности, но чем больше усилий прикладывал, тем сильнее чувствовал, что ничего не получается. Ему хотелось отвлечься. И желательно так, чтобы не пришлось продолжать разговор с самим собой. По дороге домой он свернул к бару.

Это было небольшое одноэтажное кирпичное заведение, не особенно привлекательное снаружи и ничем не примечательное внутри. Когда-то Владимир часто проводил здесь вечера с людьми, которых называл друзьями. Теперь он встречался с ними редко. Временами ему казалось, что он давно перерос подобное общество. Их разговоры представлялись пустыми, интересы - примитивными, а вечные обсуждения денег, автомобилей и женщин вызывали у него скуку. Однако сегодня он направлялся именно туда. Возле входа собралась небольшая толпа. Кто-то громко смеялся, кто-то курил, прислонившись к стене. Двое молодых людей оживлённо обсуждали автомобиль, который один из них недавно получил от родителей. Девушка в дорогой, но слишком лёгкой для зимы куртке пыталась перекричать музыку, доносившуюся из открытой двери. Чуть поодаль какой-то парень, явно перебравший с алкоголем, стоял согнувшись, пока приятель неловко похлопывал его по спине.

Владимир прошёл мимо.

Он невольно отметил множество неприятных деталей: вычурную одежду, дешёвый парфюм, громкие голоса, неумение некоторых людей держаться с достоинством. Ему казалось, что всё это свидетельствует о внутренней неустроенности. Впрочем, собственное появление здесь он предпочитал считать исключением.

Внутри было душно. Пахло алкоголем, кальянным табаком и сладкими духами. Из динамиков звучала громкая музыка. Люди разговаривали, почти кричали, стараясь услышать друг друга. Бармен стоял на привычном месте за стойкой. Он работал здесь столько лет, что Владимир уже не мог представить это заведение без его усталого лица и неизменной тёмной футболки. Владимир прошёл в левую часть зала и занял его нелюбимый, но обыкновению знакомый двухместный столик. Он почти всегда садился именно здесь. Стол находился достаточно далеко от основной толпы, но вместе с тем позволял наблюдать за происходящим. Было у него и другое преимущество. Два стула создавали впечатление, что Владимир кого-то ожидает. Сам он никогда не признавался бы, насколько важно для него это обстоятельство. Он уверял себя, что вполне способен сидеть в одиночестве и не испытывать неловкости. И всё же мысль о том, что посторонний человек может принять его за одинокого посетителя, пришедшего напиться после работы, была неприятна. Он подозвал официанта и заказал «Лонг- Айленд».

Когда принесли первый коктейль, Владимир привычным движением вынул из стакана трубочку. Он терпеть не мог пластиковые трубочки. Как, впрочем, и крышки на бумажных стаканах с кофе, которые всегда снимал перед тем, как сделать первый глоток. Подобные мелочи

казались ему бессмысленными уступками привычкам большинства. Он выпил первый коктейль почти залпом.

Алкоголь обжёг горло, разлился теплом по груди. Владимир поморщился и некоторое время сидел неподвижно. Потом заказал ещё. Второй стакан он пил медленнее. Третий принёс приятную расслабленность, четвёртый окончательно притупил раздражение, накопившееся за день. Музыка перестала казаться такой громкой. Разговоры окружающих уже не вызывали прежнего отвращения. Владимир откинулся на спинку стула и посмотрел в зал. Он чувствовал, что постепенно освобождается от необходимости постоянно оценивать происходящее. В этом было что-то необыкновенно приятное. Ведь обычно его мысли не прекращались ни на минуту. Он сравнивал, анализировал, делал выводы, незаметно для себя выстраивал целые системы объяснений. Теперь же можно было просто сидеть и наблюдать. Он поймал себя на том, что улыбается, хотя причин для улыбки не было. И именно это обстоятельство почему-то понравилось ему особенно.

Через некоторое время Владимир вышел покурить. Зимний воздух приятно охладил лицо. Он остановился недалеко от входа, достал сигарету и обнаружил, что зажигалка куда-то запропастилась. Рядом стояла компания молодых людей. Они разговаривали достаточно громко, чтобы Владимир невольно услышал их беседу.

- Помнишь, мы в прошлом месяце с теми девчонками гуляли? - говорил один.
- Ну.
- Ты темненькой так и не написал?
- Я-то написал. Она не ответила.
- А- а, ну понятно.
- Что понятно?
- Я вчера со второй виделся. Говорит, подруга её считает тебя дурачком.
- С чего вдруг?
- Да из- за шуток твоих.
- Каких ещё шуток?
- Ну, про Америку и Украину. Ты тогда весь вечер что-то такое рассказывал.
- Так все сейчас об этом шутят!
- Ну вот ей не понравилось.
- Странная какая-то.
- Может, просто шутки плохие?

Компания рассмеялась.

Владимир слушал их с привычным превосходством. Ему казалось удивительным, сколько времени люди готовы тратить на совершенно пустые разговоры. И всё же он не уходил. Более того, впервые за вечер ему захотелось присоединиться к кому-нибудь. Он посмотрел на незнакомцев. Обычные молодые люди. Ничего выдающегося. Ничего особенно неприятного. Ещё утром он, вероятно, не удостоил бы их вниманием. Теперь же они казались вполне подходящей компанией. Владимир шагнул ближе.

- Ребят, зажигалка найдётся?

Один из парней протянул ему свою.

- Держи.
- Спасибо.

Он закурил.

Несколько секунд все молчали.

Потом невысокий парень, тот самый, что только что обсуждал неудачное знакомство, посмотрел на Владимира и спросил:

- А ты один здесь?
- Да.

- Я видел тебя в зале. Ты за столиком сидел, к тебе так никто и не подошёл.

Владимир почувствовал неприятный укол.

- Значит, всё- таки заметили. - Подумал Владимир.

Именно то, чего он старался избежать, оказалось совершенно очевидным для постороннего человека. Он мог бы ответить, что предпочитает отдыхать один. Мог бы сказать, что ему вполне достаточно собственного общества. Но вместо этого неожиданно для самого себя произнёс:

- После работы зашёл. Хотел кого-нибудь позвать, да все заняты.

Ложь получилась настолько естественной, что Владимир почти сразу перестал обращать на неё внимание.

- Да брось, - махнул рукой парень. - Пошли к нам. Наши внутри сидят.

Владимир немного помедлил.

- Не помешаю?

- Да ты чего! Пойдём.

Они вернулись в бар. За большим столом сидели ещё несколько человек. Владимира представили, кто-то подвинулся, освобождая место, кто-то сразу предложил выпить. Первые минуты он чувствовал себя посторонним. Разговоры шли о людях, которых он не знал, о событиях, в которых не участвовал, о каких-то общих воспоминаниях. Он почти не говорил. Иногда улыбался, когда смеялись остальные. Потом выпил ещё. И постепенно заметил, что перестал испытывать необходимость держаться особняком. Кто-то рассказывал нелепую историю с работы. Кто-то спорил о девушке, с которой недавно познакомился. Один из парней вдруг принялся показывать фотографии своего автомобиля. Ничего содержательного в этих разговорах не было. Но теперь Владимир почему-то не находил это недостатком. Ему даже понравилось, что никто не спрашивает о его доходах, образовании или взглядах на жизнь. Его приняли за своего совершенно случайно. И всё же в этом случайном принятии было нечто такое, чего ему давно недоставало. Он не стал разбираться, что именно. Гораздо проще было заказать ещё напитки.

Спустя три часа компания снова вышла на улицу. Владимир был пьян. Он понимал это, но ощущение собственного состояния не вызывало у него тревоги. Напротив, в теле появилась непривычная лёгкость. Движения стали чуть менее точными, мысли - более свободными. Городские огни слегка расплывались перед глазами. Он стоял возле бара, слушая чей-то разговор, и временами смеялся вместе с остальными. Морозный воздух холодил разгорячённое лицо. Казалось, вечер постепенно подходит к концу. Именно в этот момент кто-то с силой ударил его в спину.

Всё произошло настолько внезапно, что Владимир даже не успел обернуться. Он потерял равновесие и упал на асфальт, больно ударившись ладонями о твёрдую поверхность. На него навалился незнакомый мужчина. Владимир почувствовал резкий удар по голове, затем ещё один. Несколько мгновений он не понимал, что происходит. Перед глазами мелькали чужое лицо, зимнее небо, свет фонаря. Он слышал какие-то крики, но не мог разобрать слов. А потом страх, который должен был возникнуть в подобной ситуации, почему-то не появился. Вместо него пришло другое чувство. Глухая, почти невыносимая ярость. Она возникла настолько быстро, что Владимир не успел даже осознать её причину. Ещё несколько секунд назад он спокойно разговаривал с незнакомыми людьми. Теперь всё его существо было сосредоточено на одном желании - заставить человека, напавшего на него, прекратить происходящее. И сделать это немедленно.

Он перехватил руку противника и резко прижал её к себе. Сказывались годы тренировок. Владимир был крупным мужчиной - сто девяносто сантиметров роста и около девяноста пяти килограммов крепкого, тренированного тела. Обычно он воспринимал свою физическую

форму как результат дисциплины и постоянной работы над собой. Сейчас тело действовало прежде, чем он успевал подумать.

Свободной рукой Владимир обхватил нападавшего за горло и вытянул тело противника на гильотину. Мужчина попытался вырваться. Владимир сжал удавку руки сильнее. Он чувствовал чужое сопротивление, слышал хриплое дыхание, видел испуганные глаза. И вдруг обнаружил в себе нечто такое, о существовании чего прежде предпочитал не задумываться. Ему хотелось не просто защититься. Ему хотелось победить. Не оставить противнику никакой возможности сопротивляться, окончательно подчинить его своей воле. Это чувство было столь сильным и неожиданным, что на мгновение заслонило всё остальное. Боль от ударов исчезла. Шум улицы отдалился. Осталось лишь тяжёлое дыхание и напряжение мышц. Кто-то закричал. Чужие руки схватили Владимира за плечи.

- Отпусти его!

Он не отреагировал. Его попытались оттащить. Владимиру показалось, что на него снова нападают. Он напрягся ещё сильнее, не разбирая, кто находится рядом.

- Вова! Хватит!

Голос прозвучал совсем близко. Но и теперь Владимир не сразу понял, что обращаются к нему. Несколько человек одновременно вцепились в его руки и плечи. Они тянули его назад, кто-то пытался разжать пальцы. Лишь втроём им удалось оторвать Владимира от нападавшего. Его рывком подняли на ноги. Он тяжело дышал. Перед глазами всё ещё плыло, но постепенно начали возвращаться знакомые очертания мира.

Асфальт.

Фонарь.

Люди возле входа в бар.

Человек, с которым он только что боролся, лежал в стороне, пытаясь прийти в себя. Владимир посмотрел на собственные руки. Костяшки пальцев были сбиты. На ладонях темнели ссадины. Он пошевелил пальцами. Боль появилась не сразу.

- Что это было? - подумал он.

Он попытался восстановить последовательность событий. Удар в спину. Падение. Чужое лицо. Дальше всё смешивалось. Но одно ощущение оставалось удивительно отчётливым. Он помнил собственную ярость. Причём не только ярость. В какой-то момент происходящее доставило ему удовольствие. Эта мысль была настолько неприятной, что Владимир поспешил от неё избавиться. В конце концов, на него напали первым. Он защищался. У него не было времени размышлять о правильности каждого движения. Любой человек на его месте поступил бы так же. Вероятно. Он повторил это про себя ещё раз. Но уверенности почему-то не прибавилось. Чья-то рука легла ему на плечо.

- Вов, ты как?

Владимир обернулся. Рядом стоял Николай, его коллега по офису. Тот самый Николай, которого он привык видеть в рабочие дни среди компьютеров, документов и бесконечных служебных разговоров. Сейчас лицо коллеги выглядело непривычно серьёзным.

- Ты меня слышишь? - спросил Николай.

- Да.

- Голова не кружится?

- Нормально всё.

- Ты уверен?

Владимир кивнул.

Николай ещё некоторое время смотрел на него, словно хотел что-то спросить, но не решался. В этом взгляде было не только беспокойство. Владимир заметил и другое чувство - удивление, смешанное с каким-то невольным любопытством. Будто Николай впервые увидел человека, с которым прежде был знаком лишь поверхностно. Это почему-то разозлило Влади-

мира. Ему захотелось немедленно привести себя в порядок, выпрямиться, поправить одежду и заговорить привычным спокойным голосом. Он попытался одёрнуть куртку, но руки дрожали. Совсем немного и всё же он заметил это. Владимир посмотрел на Николая.

- Спасибо, - произнёс он.

Голос прозвучал хрипло и неуверенно.

- Да ладно, - ответил тот. - Хорошо, что успели.

Они замолчали.

За их спинами кто-то продолжал спорить. У входа в бар собрались любопытные, которых охранники настойчиво оттесняли от дверей. Тяжёлые створки наконец захлопнулись. Вечер закончился, по крайней мере, для посетителей бара. Владимир снова посмотрел на свои руки. Он уже почти убедил себя, что произошедшее было случайностью, неприятным происшествием, которое следует как можно скорее забыть. Завтра он проснётся, примет холодный душ, приготовит завтрак, наденет костюм и отправится на работу. Всё снова станет привычным. Мысль об этом немного успокоила его. Но когда Николай отвернулся, чтобы ответить кому-то из стоявших рядом, Владимир вдруг почувствовал знакомое напряжение в пальцах. Он разжал кулаки, потом сжал их снова. Внутри ещё оставалось странное, горячее возбуждение, совершенно не похожее ни на страх, ни на обыкновенную злость. Он попытался объяснить его действием алкоголя, болью от ударов, неожиданностью нападения. Возможно, так оно и было, однако почему-то вспомнилось лицо противника в ту секунду, когда тот впервые испугался и Владимир с неприятной ясностью понял, что помнит это мгновение лучше всего остального вечера. Он отвернулся. Никому не следовало знать об этой мысли, особенно ему самому. Но она уже возникла. И сколько бы Владимир ни убеждал себя, что всё случившееся было лишь досадной случайностью, он чувствовал: нечто в нём сегодня изменилось. Вернее, не изменилось. Обнаружилось. Что-то существовавшее прежде, но до сих пор не имевшее случая проявить себя.

Он стоял посреди холодной зимней улицы, окружённый почти незнакомыми людьми, и впервые за долгое время не знал, каким человеком проснётся завтра и самое неприятное заключалось в том, что какая-то часть его вовсе не хотела возвращаться к прежнему порядку.

ГЛАВА II

Утренний зимний свет проникал в спальню через неплотно задвинутые шторы, ложился широкой бледной полосой на пол, медленно поднимался по краю кровати и добирался до лица Владимира, который уже некоторое время лежал с открытыми глазами, не решаясь пошевелиться, словно надеялся, что, если подождать ещё немного, неприятные воспоминания минувшего вечера постепенно утратят свою отчётливость и превратятся в обыкновенный дурной сон, каких немало бывает после чрезмерного употребления алкоголя. Но ничего подобного не происходило, напротив, чем дольше он лежал, тем яснее становились отдельные обстоятельства вчерашнего происшествия - душный бар, незнакомые люди, с которыми он почему-то почувствовал себя почти свободным, холодный воздух возле входа, неожиданный удар в спину и, наконец, то странное состояние, в котором он оказался на грязном асфальте, сжимая чужую шею с такой силой, какой прежде не предполагал в себе даже во время самых тяжёлых тренировок.

Голова болела, во рту стоял неприятный привкус, тело отзывалось тупой ломотой при малейшем движении, однако физическое недомогание беспокоило Владимира значительно меньше, чем воспоминание о собственной потере контроля, поскольку боль можно было объяснить совершенно определёнными обстоятельствами, тогда как произошедшая с ним перемена не укладывалась ни в одно из привычных представлений о самом себе. Он всегда считал себя человеком разумным, достаточно образованным и дисциплинированным, способным в самых неприятных обстоятельствах сохранять достоинство и не позволять чувствам определять свои поступки, и хотя окружающие порой находили его высокомерным, чрезмерно требовательным или даже неприятным в общении, Владимир предпочитал видеть в подобных оценках обыкновенное непонимание тех принципов, которым сам старался следовать. Вчера же всё произошло иначе, причём настолько неожиданно, что теперь ему было трудно определить, в какой именно момент он перестал действовать разумно и позволил чему-то совершенно постороннему распоряжаться собственным телом. Особенно неприятно было вспоминать лицо нападавшего, его испуганные глаза и отчаянные попытки освободиться, ведь Владимир помнил не только то, что происходило, но и своё состояние, а точнее, то короткое мгновение, когда сопротивление другого человека перестало казаться опасностью и превратилось в источник какого-то непонятного, почти постыдного удовлетворения.

Он закрыл глаза, раздражённо провёл ладонью по лицу и наконец заставил себя подняться. В ванной его встретило собственное отражение, на которое Владимир посмотрел с таким вниманием, словно ожидал обнаружить перед собой другого человека - на скуле уже проступал заметный кровоподтёк, возле виска кожа слегка припухла, на руках темнели ссадины, а взгляд казался непривычно тяжёлым, хотя, возможно, дело заключалось лишь в усталости после бессонной ночи и чрезмерного количества выпитого.

Он наклонился над раковиной, включил холодную воду и несколько раз умылся, задерживая мокрые ладони возле лица дольше обычного, пока неприятное покалывание не заставило окончательно проснуться, после чего выпрямился и снова посмотрел в зеркало. Синяк, разумеется, никуда не исчез, но выражение лица постепенно возвращалось к привычному, и это обстоятельство почему-то принесло облегчение, будто вместе с утренней бодростью к нему возвращался и тот человек, которого он привык считать настоящим собой.

Владимир снял одежду и отправился в душ, позволив холодной воде несколько минут стекать по плечам и спине, чувствуя, как тело постепенно приходит в себя, а мысли приобретают знакомую последовательность, в которой каждому событию можно найти причину, каждому поступку - объяснение, каждой ошибке - соответствующий способ исправления. Вчера он напился, оказался в неподходящей компании, подвергся нападению и потерял самообла-

дание, следовательно, всё случившееся было результатом нескольких последовательно допущенных ошибок, которых вполне можно избежать в будущем, если внимательнее относиться к собственным решениям и не позволять обстоятельствам незаметно изменять привычное течение жизни. Объяснение представлялось достаточно разумным, чтобы принять его без особых возражений, хотя где-то на заднем плане оставалась неприятная мысль о том, что далеко не все свои поступки он мог объяснить исключительно действием алкоголя или необходимостью защищаться. Впрочем, сегодня Владимиру совершенно не хотелось возвращаться к этому вопросу. У него были другие дела.

Кухня встретила его привычной чистотой, прохладной поверхностью столешницы и слабым запахом кофе и Владимир, прежде чем приступить к завтраку, достал из шкафа небольшие электронные весы, поставил их рядом с разделочной доской и начал готовить еду с той сосредоточенностью, которая всегда помогала ему восстановить внутреннее равновесие.

Количество продуктов было определено заранее, калорийность рассчитана, соотношение белков, жиров и углеводов соответствовало установленному им дефициту, которого он придерживался уже довольно давно, стремясь сохранять физическую форму независимо от настроения, рабочих обстоятельств и прочих случайностей, способных вмешаться в жизнь человека, недостаточно внимательно относящегося к собственному телу. Владимир не любил людей, которые постоянно жаловались на лишний вес, усталость или плохое самочувствие, но при этом не предпринимали ничего, чтобы изменить своё положение, и особенно раздражали его разговоры о том, будто некоторые вещи совершенно не зависят от человеческой воли, поскольку в собственном опыте он привык находить подтверждение обратному. Если человек способен вставать раньше остальных, работать больше, внимательно следить за питанием и заставлять себя тренироваться даже тогда, когда совершенно не хочется, разве не означает это, что большая часть пресловутых жизненных обстоятельств представляет собой лишь совокупность привычек, от которых при достаточной настойчивости вполне возможно отказаться? Он неоднократно задавал себе этот вопрос и почти всегда приходил к одному ответу, хотя, разумеется, предпочитал не распространять его на собственную привязанность к сигаретам, которые продолжал курить во время завтрака, убеждая себя, что небольшое отступление от правил не имеет значения, если оно совершается вполне сознательно.

Позавтракав, Владимир сварил крепкий чёрный кофе, достал сигарету и подошёл к окну, откуда открывался знакомый вид на двор, уже наполненный людьми и автомобилями, спешившими по своим делам. Вчера, находясь возле бара, он совершенно не думал ни о здоровье, ни о дисциплине, ни о том, сколько усилий ему потребовалось для достижения нынешней физической формы, тогда как теперь даже мысль о повторении подобного вечера казалась нелепой, словно произошедшее относилось к жизни другого человека, не имевшего никакого отношения к утреннему Владимиру. Его тело было результатом многолетней работы, тяжёлых тренировок, добровольных ограничений и той особенной требовательности к себе, которую он считал необходимым условием всякого серьёзного достижения, а потому вчерашняя потеря самообладания представлялась ему не просто неприятным происшествием, но своеобразным предательством всего, что он столь тщательно создавал.

Он затянулся сигаретой, некоторое время наблюдал за тонкой струйкой дыма, медленно поднимавшейся к потолку, и вдруг подумал, что человек вообще удивительно легко привыкает считать собственные достоинства чем-то неизменным, тогда как для их сохранения требуется ежедневное усилие, порой совершенно незаметное окружающим. Владимир допил кофе и направился в гардеробную.

В гардеробной стоял знакомый запах шерсти, плотного хлопка и дорогих древесных ароматов, которыми он иногда пользовался, аккуратно расставленные вешалки сохраняли одинаковое расстояние друг от друга, костюмы висели в определённой последовательности, рубашки были выглажены, обувь начищена, а все случайные вещи, не соответствовавшие его представ-

лению о порядке, давно убраны из поля зрения. Он любил эту комнату. В отличие от большей части окружающего мира, здесь всё находилось именно там, где должно было находиться, и даже выбор одежды, который для большинства людей представлял собой незначительную утреннюю необходимость, Владимир воспринимал как возможность ещё раз подтвердить верность собственным убеждениям. Он провёл рукой по лацкану тёмно- синего пиджака, слегка задержав пальцы на мягкой шерсти, затем посмотрел на расположенный рядом серый костюм, выполненный из более плотной ткани, с достаточно строгой линией плеч и посадкой, которая нравилась ему особенно. Владимир никогда не стремился выглядеть вызывающе дорого, поскольку полагал, что истинное качество не нуждается в постоянном привлечении внимания, и потому предпочитал спокойные цвета, хорошие материалы, безупречный крой и вещи, в которых отсутствовало всё случайное, излишнее или нарочито модное. В его представлении стиль был значительно большим, чем способ произвести впечатление на окружающих, он являлся продолжением характера, отражением привычек, убеждений и внутреннего устройства человека, а иногда Владимиру казалось, что по тому, как мужчина одевается, держит спину, разговаривает и относится к собственным вещам, можно определить почти всё существенное о его личности. Разумеется, он понимал, что подобная уверенность далеко не всегда оправданна, ведь хорошо одетый человек может оказаться подлецом, а мужчина в старом пальто - обладать исключительным достоинством, однако это обстоятельство не мешало ему верить в существование определённой связи между внешней аккуратностью и внутренней дисциплиной.

Именно сейчас, стоя перед открытым гардеробом, Владимир почувствовал, что наконец начинает понимать причину вчерашнего происшествия, причём дело заключалось даже не в алкоголе, который лишь ослабил привычную осторожность, а в той незаметной небрежности, с какой он позволил себе отступить от собственных правил. Сначала он решил, что вполне может пропустить обычный вечер дома и провести несколько часов в баре, затем согласился выпить больше, чем собирался, после чего оказался среди совершенно незнакомых людей и в какой-то момент начал получать удовольствие от того, что перестал контролировать происходящее. Каждое из этих решений само по себе выглядело незначительным, но вместе они постепенно привели его туда, где привычная последовательность мыслей и действий перестала существовать, словно внутренний порядок оказался не прочной основой личности, а тонкой перегородкой, которую достаточно было однажды оставить без внимания.

- Человек начинает опускаться гораздо раньше, чем замечает это, - подумал Владимир, снимая с вешалки белую рубашку с жёстким воротником.

Ему понравилась эта мысль, поскольку она позволяла объяснить произошедшее не присутствием в собственной душе чего-то чуждого и опасного, а обыкновенной неосторожностью, которую отныне следовало исключить.

Он надел рубашку, застегнул пуговицы, тщательно поправил воротник и выбрал серый шерстяной костюм, остановившись перед большим зеркалом, чтобы убедиться в правильности посадки. Ткань мягко облегала плечи, брюки сохраняли строгую линию, галстук был завязан ровно, и весь его внешний вид снова соответствовал тому представлению о себе, к которому Владимир привык за долгие годы. Синяк на скуле несколько портил общее впечатление, но теперь он уже не казался столь неприятным, напротив, Владимир неожиданно обнаружил, что способен воспринимать его как след недавнего испытания, из которого удалось выйти с определённым опытом, пусть и приобретённым самым нежелательным способом. Он немного повернул голову, рассматривая лицо при другом освещении, и едва заметно улыбнулся. Сегодня ему предстояло доказать самому себе, что вчерашняя слабость не имеет над ним никакой власти.

В прихожей Владимир взял ключи от машины, посмотрел на часы и вышел из квартиры, заранее представляя привычную дорогу до офиса, которая при нормальном движении должна была занять ровно двадцать восемь минут, ни больше ни меньше. Эта небольшая точность

всегда доставляла ему особенное удовольствие. Вчера он не мог управлять даже собственными руками, а сегодня намеревался начать с того, чтобы вернуть себе управление хотя бы несколькими ближайшими минутами.

Морозный воздух приятно освежил лицо, заставив невольно поморщиться от прикосновения холода к повреждённой скуле, Владимир пересёк двор, направляясь к своему автомобилю, и уже собирался открыть дверь, когда услышал знакомый голос.

- Доброе утро, Владимир.

Он обернулся.

Возле соседней машины стоял Николай, его коллега по офису, с которым они обычно обменивались несколькими дежурными фразами в течение рабочего дня, не испытывая особенной потребности в более близком знакомстве.

Вчера именно Николай помог ему подняться после драки, и это обстоятельство Владимир прекрасно помнил, хотя предпочёл бы, чтобы свидетелей той неприятной истории вообще не оказалось среди людей, с которыми ему предстояло продолжать ежедневное общение. Николай держал в руке бумажный стаканчик с кофе и смотрел на него с таким выражением, будто пытался сопоставить два совершенно разных воспоминания - вчерашнего мужчину, которого с трудом удалось оттащить от нападавшего, и сегодняшнего Владимира в аккуратном сером костюме, с ровно завязанным галстуком и привычно спокойным лицом.

- Доброе, Николай, - ответил Владимир, слегка улыбнувшись. - Прекрасный день для продуктивной работы, не находишь?

Вопрос прозвучал настолько обыденно, что Николай на мгновение растерялся, машинально поправил крышку на стаканчике и посмотрел на него ещё внимательнее, словно ожидал услышать продолжение, которое объяснило бы столь необычное спокойствие после вчерашних событий.

- Да, конечно, - произнёс он наконец. -только я вот что хотел спросить, Вов, ты вообще нормально себя чувствуешь?

- Вполне.

- Просто вчера всё довольно серьёзно выглядело, ты сам-то помнишь, что произошло?

Владимир почувствовал знакомое раздражение, однако внешне никак его не проявил, поскольку прекрасно понимал, что Николай имеет полное право задавать подобные вопросы, тем более после того, как вместе с остальными помог прекратить драку.

- Помню достаточно, - спокойно ответил он.

-тот парень тебе по голове несколько раз попал, я видел, да и ты его потом так прихватил, что мы втроём еле разняли, я уж думал, вы там друг друга покалечите.

Владимир посмотрел на бумажный стаканчик в руках коллеги, затем на его слегка помятую куртку, небрежно повязанный шарф и лицо, выражавшее вполне искреннее беспокойство. Ему вдруг захотелось прекратить разговор. Не потому, что Николай был неприятен, и не потому, что говорил что-то неуместное, а главным образом потому, что своим присутствием напоминал о той версии Владимира, от которой сам он сегодня так настойчиво стремился отгородиться.

- Коля, вчерашнее осталось во вчерашнем дне, - произнёс он с мягкой, почти дружеской уверенностью, за которой, однако, вполне отчётливо чувствовалось нежелание продолжать разговор. - Это была ошибка, и я уже сделал необходимые выводы, так что переживать совершенно не о чем.

Николай немного помолчал.

- Ну, тебе виднее, конечно, только ты бы всё- таки за головой последил, с такими вещами шутить не стоит.

- Обязательно.

Владимир слегка кивнул, открыл автомобиль и сел за руль, оставив коллегу возле соседней машины с недопитым кофе и, вероятно, множеством вопросов, на которые не собирался отвечать. Закрыв дверь, он на несколько секунд задержал руки на руле. Николай, разумеется, желал ему добра, однако Владимир никак не мог избавиться от неприятного ощущения, что теперь этот человек располагает знанием, которое не должно было принадлежать посторонним. Вчера он видел Владимира слабым, пьяным и потерявшим самообладание, видел, как тот не мог остановиться, и, что особенно неприятно, наверняка запомнил его лицо в тот момент, когда разум уже перестал руководить поступками. Владимир посмотрел в зеркало заднего вида. Синяк был заметен даже при утреннем освещении. Он поправил воротник, завёл двигатель и выехал со двора.

Дорога до офиса заняла двадцать восемь минут. Владимир отметил это почти машинально, однако испытал знакомое удовлетворение, когда стрелка часов подтвердила привычный расчёт, ведь после вчерашней неопределённости даже столь незначительное совпадение воспринималось им как свидетельство того, что мир всё ещё способен подчиняться определённым правилам.

Он поставил машину на парковке, поднялся на восьмой этаж и вышел из лифта в привычный офисный коридор, где утро уже начиналось с негромких разговоров, телефонных звонков, звука клавиатур и бесконечного движения людей, занятых собственными обязанностями. Сотрудники проходили мимо, здоровались, обсуждали рабочие вопросы и торопились к своим столам, не особенно заботясь о том, какое впечатление производят на окружающих, и Владимир невольно обращал внимание на те мелочи, которые в другое время могли остаться незамеченными. У одного коллеги рубашка выбилась из брюк, другой уже с утра выглядел измученным, словно рабочая неделя длилась несколько месяцев, девушка из соседнего отдела разговаривала по телефону слишком громко, а возле кофемашины собрались трое сотрудников, обсуждавших какую-то совершенно незначительную новость. Владимир смотрел на всё это с ощущением собственной обособленности, которое сегодня доставляло ему почти физическое удовольствие, поскольку после вчерашнего вечера ему особенно хотелось убедиться, что между ним и людьми, привыкшими жить без строгих правил, всё ещё существует существенное различие. Он прекрасно понимал, что подобные суждения могут показаться чрезмерно суровыми, ведь чужая помятая рубашка ничего не говорит о нравственных качествах человека, а усталость после работы вовсе не свидетельствует о слабости характера, но в это утро ему было удобнее замечать именно чужие недостатки, нежели вспоминать собственные.

Владимир дошёл до рабочего места, аккуратно повесил пальто, сел в кресло и включил компьютер. На столе не было ничего лишнего, документы лежали ровной стопкой, ручки находились в отведённом для них месте, а экран монитора оставался чистым от случайных уведомлений, способных отвлечь внимание. Он положил ладони на столешницу и глубоко вдохнул. Вот теперь всё действительно было на своих местах. Телефон коротко завибрировал.

На экране появилось уведомление от Антона, того самого худощавого мужчины, которому Владимир недавно помог завести автомобиль на дороге к бизнес- центру. Судя по имени отправителя, сообщение пришло ещё вчера, но Владимир не стал его открывать, поскольку не видел особенного смысла в продолжении знакомства, начавшегося исключительно благодаря случайной поломке чужой машины. Вероятно, Антон хотел снова поблагодарить его или предложить обещанный кофе, возможно, сообщить что-нибудь о состоянии автомобиля, и всё это представлялось Владимиру незначительным, совершенно не заслуживающим внимания посреди рабочего утра. Он смахнул уведомление, перевёл телефон в режим «Не беспокоить» и открыл папку с документами. Ему нравилось думать, что он умеет отказываться от ненужного общения, сохраняя время для действительно важных дел, хотя иногда такая избирательность незаметно превращалась в обыкновенное нежелание интересоваться другими людьми. Но сегодня Владимира занимал совершенно иной вопрос. Ему предстояло доказать, прежде

всего самому себе, что хорошо организованная жизнь способна не только приносить результаты, но и защищать человека от собственных слабостей.

Рабочий день начался с еженедельного совещания. Конференц- зал располагался возле больших окон, сквозь которые проникал холодный зимний свет, ложившийся на длинный стол из полированного шпона широкими светлыми полосами, тогда как противоположная часть помещения оставалась в мягкой полутени.

Владимир вошёл почти последним, положил перед собой подготовленную папку и занял привычное место у окна, откуда было удобно наблюдать не только за выступающими, но и за реакцией присутствующих, поскольку он давно заметил, что во время подобных собраний лица людей нередко сообщают значительно больше, чем произносимые ими слова.

Начальник отдела, мужчина плотного телосложения, с постоянно утомлённым выражением лица и галстуком, который почему-то всегда был завязан немного небрежно, начал совещание с привычного перечисления текущих задач, незавершённых проектов и обстоятельств, мешавших достижению плановых показателей. Говорил он долго, временами возвращаясь к уже обсуждённым вопросам, делал паузы, перелистывал документы и несколько раз повторил, что ситуация на рынке остаётся сложной, а потому сотрудникам необходимо проявлять больше инициативы и ответственности. Владимир слушал молча. Он не любил многословия, особенно когда за обилием слов скрывалось отсутствие конкретного решения, и потому с каждой минутой начинал всё отчётливее ощущать раздражение, которое, впрочем, никак не отражалось на его лице. Ему казалось странным, что люди, занимающие руководящие должности, порой настолько плохо умеют излагать собственные мысли, ведь способность ясно определить проблему представлялась ему одним из главных признаков профессиональной состоятельности.

Когда разговор наконец перешёл к контракту, согласование которого затянулось уже на месяц, Владимир выпрямился и внимательно посмотрел на начальника. Речь шла о довольно крупной сделке, постоянно возвращавшейся на доработку из- за сложной цепочки согласований, противоречивых замечаний подрядчиков и нерешительности руководства, предпочитавшего откладывать окончательное решение, вместо того чтобы принять ответственность за возможные последствия. Накануне Владимир подробно изучил материалы, пересмотрел финансовую модель и обнаружил несколько очевидных, по его мнению, причин затянувшегося процесса, после чего подготовил собственный вариант решения, значительно упрощавший структуру сделки. Он дождался небольшой паузы.

- Позвольте, я кое- что уточню, - произнёс Владимир.

Начальник поднял глаза.

- Да, Владимир, слушаем.

- Мы уже несколько недель обсуждаем одни и те же обстоятельства, ссылаемся на нестабильность рынка, сложности взаимодействия с подрядчиками и необходимость дополнительных согласований, однако мне кажется, что основная проблема заключается вовсе не во внешних условиях, а в том, что мы сами создали систему, которая мешает нам работать.

В зале стало тише.

Владимир открыл папку и разложил перед собой несколько листов, продолжая говорить спокойно, без повышенного тона, но с той особенной уверенностью, которая появлялась у него всякий раз, когда предмет разговора был предварительно изучен до мельчайших подробностей.

- Я пересмотрел структуру контракта и обнаружил три лишних этапа согласования, не влияющих на окончательное решение, а также двух подрядчиков, фактически дублирующих функции друг друга, поэтому предлагаю исключить эти звенья и перераспределить обязанности таким образом, чтобы ответственность каждого участника была определена заранее.

Он передвинул документы ближе к середине стола.

- По моим расчётам, это позволит увеличить рентабельность сделки на восемнадцать процентов и завершить согласование до вечера четверга, если, разумеется, мы перестанем возвращаться к одним и тем же вопросам и наконец примем решение.

Начальник взял предложенные бумаги.

Несколько сотрудников переглянулись, кто-то придвинулся ближе к столу, пытаясь рассмотреть таблицы, а Николай, сидевший немного поодаль, посмотрел на Владимира с тем же внимательным выражением, которое тот заметил утром возле парковки.

- Подожди, - произнёс начальник, перелистывая документы. - Здесь у тебя получается, что один из подрядчиков вообще исключается из процесса?

- Не один, а два, - поправил Владимир. - Их функции полностью перекрываются оставшимися участниками, и я не вижу ни экономического, ни организационного основания продолжать оплачивать работу, которая фактически выполняется дважды.

- Но с ними уже согласованы определённые условия.

- Согласованные условия ещё не означают, что их невозможно пересмотреть, особенно если действующая структура создаёт дополнительные расходы и затягивает выполнение обязательств.

Начальник нахмурился.

Владимир видел, что его прямота вызывает некоторое неудовольствие, однако не считал необходимым смягчать собственные выводы ради сохранения комфортной атмосферы, ведь в его представлении уважение к человеку заключалось прежде всего в готовности говорить с ним по существу, а не подбирать удобные формулировки, скрывающие очевидные недостатки.

Он продолжил объяснение, последовательно разбирая каждый этап сделки, приводя расчёты и отвечая на вопросы присутствующих, пока постепенно обсуждение не стало развиваться именно в том направлении, которое он предложил с самого начала. Ему нравилось происходящее. Не только потому, что подготовленное решение действительно выглядело убедительным, но и потому, что внимание людей постепенно сосредоточивалось на нём, а привычная неопределённость уступала место ясной последовательности действий. Вчера вечером он оказался посреди событий, которыми совершенно не мог управлять, тогда как сегодня достаточно было нескольких подготовленных документов и спокойного объяснения, чтобы изменить ход довольно сложного рабочего обсуждения. И в этом сравнении Владимир находил особенное удовлетворение.

Начальник ещё раз просмотрел расчёты, уточнил несколько деталей и наконец согласился передать предложенный вариант на дальнейшее согласование, поручив Владимиру завершить необходимую подготовку документов. Совещание закончилось.

Выходя из конференц- зала, Владимир поймал своё отражение в тонированном стекле и на мгновение задержал взгляд - серый шерстяной костюм сидел безупречно, спина оставалась прямой, лицо выражало привычное спокойствие, и лишь небольшой синяк на скуле напоминал о том, насколько другим он был несколькими часами ранее. Ему пришло в голову, что человеческое достоинство действительно нуждается в определённой форме, которая не позволяет человеку окончательно поддаться случайным желаниям, и что одежда, манеры, образ жизни и даже привычка выражать мысли ясно представляют собой не пустые условности, а своеобразный каркас, удерживающий личность от внутренней неустроенности. Он улыбнулся собственному отражению. В этой мысли было немало удобного для него самого, поскольку она позволяла считать сегодняшние успехи доказательством нравственного превосходства над вчерашним состоянием, но Владимир пока не замечал, что его стремление во всём быть лучше окружающих почти незаметно превращается в потребность постоянно подтверждать собственную исключительность. Он поправил манжет рубашки и направился к рабочему месту.

Оставшаяся часть дня прошла на удивление быстро. Владимир занимался документами, уточнял расчёты, разговаривал с коллегами и постепенно доводил предложенную структуру

контракта до окончательного вида, не позволяя себе отвлекаться на случайные разговоры и незначительные вопросы, которые вполне могли быть решены без его участия.

К четырём часам дня проект, над которым отдел без особенного успеха работал почти месяц, оказался полностью пересобран, необходимые материалы были подготовлены, основные противоречия устранены, и Владимир с удовольствием обнаружил, что даже коллеги стали обращаться к нему значительно конкретнее, стараясь формулировать вопросы коротко и по существу. Он воспринимал происходящее как естественный результат хорошо организованной работы, хотя в глубине души ему было приятно замечать, что окружающие невольно приспосабливаются к установленному им ритму. Иногда он ловил себя на желании ещё раз объяснить кому-нибудь преимущества дисциплины, порядка и последовательности мышления, но каждый раз сдерживался, поскольку считал, что результаты должны говорить за человека убедительнее любых рассуждений. Впрочем, даже это молчание доставляло ему определённое удовольствие.

Ровно в семнадцать тридцать Владимир закончил работу, выключил компьютер, сложил документы и покинул офис, испытывая приятную усталость после дня, который удалось провести именно так, как он себе представлял утром. Дорога домой снова заняла двадцать восемь минут. Он заметил это, уже подъезжая к своему жилому комплексу, и невольно улыбнулся, словно повторившееся совпадение подтверждало правильность всех сегодняшних решений.

Дома его встретила Белла. Рыжая собака, немного напоминавшая корги, хотя у нее были длинные лапы. Она появилась в прихожей сразу после того, как повернулся ключ в замке, и остановилась возле двери, внимательно глядя на Владимира тёмными глазами, в которых было столько неподдельной радости, что он невольно почувствовал тепло, совершенно не похожее на удовлетворение от удачно завершённой сделки. Белла всегда встречала его одинаково. Она не интересовалась результатами совещаний, состоянием банковского счёта или тем, насколько успешно он соблюдал установленный распорядок, ей было достаточно услышать знакомые шаги за дверью, чтобы весь её небольшой мир на несколько мгновений сосредоточился на возвращении хозяина.

Владимир снял пальто, поставил обувь на место и наклонился к собаке, погладив её по мягкой рыжей шерсти тремя спокойными движениями, после чего Белла, получив привычное внимание, довольно засопела и направилась следом за ним в комнату. Он любил её. Но даже в этой любви существовал определённый порядок, который Владимир старался не нарушать, поскольку полагал, что животным необходимы ясные правила и последовательность, а чрезмерная эмоциональность человека лишь мешает им чувствовать себя спокойно. Прогулки происходили в установленное время, кормление подчинялось привычному расписанию, команды произносились ровным голосом, и Владимир искренне считал, что именно такая дисциплина обеспечивает собаке наиболее благополучную жизнь. Возможно, Белла действительно была вполне счастлива. Во всяком случае, она никогда не пыталась обсуждать с ним устройство этого благополучия и, если Владимир задерживался возле неё чуть дольше обычного, охотно подставляла голову под ладонь, не придавая значения тому, нарушает ли он собственные правила. Сегодня он задержался. Совсем ненадолго. Ему вдруг захотелось ещё раз погладить собаку, почувствовать тепло её шерсти и посмотреть, как она довольно прикрывает глаза, но почти сразу он выпрямился, вспомнив о предстоящих вечерних делах. Время было рассчитано.

После прогулки с Беллой Владимир переоделся в тренировочную одежду и отправился в спортивный зал. Он занимался силовыми тренировками много лет, постепенно привыкнув воспринимать их не только как средство поддержания физической формы, но и как своеобразную проверку характера, поскольку тяжёлое железо не интересуется настроением человека, не принимает оправданий и не делает исключений для тех, кто считает себя достаточно уставшим после рабочего дня. Здесь всё было просто. Вес либо поднимался, либо оставался неподвижным, количество повторений можно было подсчитать, прогресс измерить, недостаток усилий

обнаружить без особенных рассуждений, и Владимир находил в этой определённости почти такое же удовольствие, какое испытывал при работе со сложными финансовыми расчётами.

В зале пахло металлом, резиновым покрытием и нагретым воздухом, из динамиков негромко звучала музыка, а большие зеркала отражали людей, занятых собственными упражнениями. Владимир подошёл к стойке, подготовил штангу и начал тренировку.

Первые подходы дались относительно легко, несмотря на вчерашнее происшествие, однако по мере увеличения нагрузки тело стало напоминать о полученных ударах, особенно неприятно отзывались мышцы спины и плеч, а возле повреждённой скулы временами возникало тупое ощущение тяжести. Он старался не обращать на это внимания. С каждым новым повторением дыхание становилось глубже, мышцы наполнялись напряжением, окружающие звуки постепенно отходили на второй план, и Владимир снова испытывал знакомое чувство сосредоточенности, когда всё существование на несколько мгновений сводится к необходимости выполнить определённое движение. Ему нравилось преодолевать усталость. Нравилось ощущать, как тело подчиняется воле даже тогда, когда настойчиво требует отдыха, и особенно приятно было сознавать, что в отличие от вчерашнего вечера теперь вся его физическая сила направлена не на другого человека, а на выполнение совершенно конкретной, заранее определённой задачи. Он сделал очередной подход и осторожно вернул штангу на стойки. Вспомнился асфальт возле бара. На мгновение перед глазами возникло лицо нападавшего, и Владимир почувствовал то же неприятное внутреннее возбуждение, которое пытался забыть с самого утра. Он отвернулся от зеркала, сделал несколько глубоких вдохов и увеличил рабочий вес, решив, что остатки вчерашней ярости следует окончательно израсходовать здесь, среди железа, пота и вполне понятных физических усилий. Но чем сильнее он старался избавиться от воспоминания, тем отчётливее понимал, что дело было не только в злости. В какой-то момент ему снова вспомнилось чувство превосходства над человеком, который уже не мог сопротивляться, и Владимир с досадой обнаружил, что именно это ощущение продолжает возвращаться к нему вопреки всем попыткам убедить себя в его случайности.

Он не стал развивать мысль. В конце концов, человек не обязан подробно разбирать каждое неприятное чувство, возникающее в его сознании, особенно если оно не приводит ни к каким новым поступкам.

Владимир продолжил тренировку, пока привычная мышечная усталость не вытеснила почти все остальные ощущения. Выйдя из зала, он чувствовал себя значительно спокойнее. Ему казалось, что сегодня он сумел превратить вчерашнюю разрушительную энергию в нечто полезное, подчинить её дисциплине и направить на укрепление собственного тела, хотя, разумеется, не мог знать, исчезло ли само чувство или лишь временно отступило, уступив место обыкновенному физическому утомлению.

Дома Владимир принял душ и приступил к ужину. После тренировки особенно хотелось есть, однако он не позволил этому желанию определять количество пищи, заранее рассчитав необходимую порцию и внимательно проверив её на кухонных весах. Он не любил соусы, скрывающие естественный вкус продуктов, редко пользовался сложными приправами и предпочитал простые сочетания, в которых было легко определить состав и питательную ценность каждого ингредиента. Кухня постепенно наполнилась запахом приготовленного мяса и горячих овощей. Владимир расставил посуду, сел за стол и принялся ужинать, не включая телевизор и не пытаясь занять себя телефонными разговорами. Ему нравилась эта вечерняя тишина. В течение дня человек вынужден постоянно реагировать на чужие вопросы, требования и обстоятельства, тогда как дома можно наконец перестать приспосабливаться к окружающим и позволить себе существовать в пространстве, полностью устроенном по собственному усмотрению. Он ел медленно, ощущая приятную усталость в мышцах. Вчера примерно в это время он сидел в баре, пил коктейли и разговаривал с людьми, имён которых теперь почти не помнил, а сегодня ужинал за идеально чистым столом, в квартире, где всё находилось на своих

местах, и разница между двумя вечерами казалась ему настолько значительной, что трудно было поверить в принадлежность обоих одному человеку. Владимир попытался представить, что кто-нибудь из вчерашней компании мог бы сейчас увидеть его на кухне, аккуратно взвешивающим продукты и спокойно размышляющим о прошедшем рабочем дне. Вероятно, они удивились бы. Впрочем, ещё больше они удивились бы, встретив его утром в офисе, где он уверенно обсуждал финансовые расчёты, поправлял чужие управленческие решения и производил впечатление человека, совершенно неспособного к бессмысленным поступкам. Эта мысль доставила ему некоторое удовольствие. Ему нравилось обладать качествами, которых окружающие не ожидали обнаружить, хотя именно подобная уверенность в собственной многогранности иногда заставляла его относиться к другим людям с несправедливым пренебрежением. Он закончил ужин, вымыл посуду и поставил её на привычное место. В квартире снова установилась тишина.

Позже вечером зазвонил телефон. Владимир посмотрел на экран и увидел имя невесты, после чего на несколько мгновений задержал палец возле кнопки ответа, словно пытался заранее определить, сколько времени займёт разговор и какие вопросы ему придётся обсуждать. Он любил эту женщину, во всяком случае, привык считать их отношения вполне благополучными, основанными на взаимном уважении, общих представлениях о будущем и стремлении каждого из них постоянно развиваться. Они редко ссорились. Почти никогда не выясняли отношения по пустякам, не требовали друг от друга бесконечных доказательств привязанности и обычно предпочитали спокойно обсуждать возникающие разногласия, что Владимир считал одним из наиболее убедительных признаков зрелости их союза. И всё же иногда ему казалось, что между ними существует определённое расстояние, которое не уменьшается даже во время самых доверительных разговоров, поскольку оба привыкли сообщать друг другу главным образом о результатах, планах и намерениях, редко задерживаясь на чувствах, не имеющих ясного объяснения. Владимир ответил.

- Да, любимая, привет.

Она поинтересовалась его самочувствием, спросила, как прошёл день, чем он занимался и собирается ли отдыхать после работы. Он рассказал о совещании, объяснил, что удалось найти решение затянувшейся проблемы с контрактом, упомянул тренировку и с удовлетворением отметил, что день оказался необыкновенно продуктивным.

- В общем, всё идёт по плану, - закончил Владимир.

Некоторое время они разговаривали о повседневных делах. Он внимательно слушал, задавал вопросы, иногда высказывал мнение и старался не перебивать, поскольку всегда считал умение вести спокойный разговор важнейшим признаком воспитанного человека. Но когда невеста спросила, не произошло ли с ним чего-нибудь необычного, Владимир ответил отрицательно, почти не задумываясь, и лишь после этого вспомнил о синяке на скуле, который теперь был прекрасно виден в отражении тёмного кухонного окна. Он мог бы рассказать о драке. Объяснить обстоятельства, признаться, что вчера потерял контроль и до сих пор не вполне понимает собственное поведение. Но зачем? Происшествие уже закончилось, серьёзных последствий, насколько он знал, не было, а необходимость вновь возвращаться к неприятным подробностям казалась совершенно бессмысленной. Кроме того, Владимир не сомневался, что подобный рассказ вызовет беспокойство, вопросы и, возможно, желание обсудить те стороны его характера, которые он сам пока не собирался подвергать чужому вниманию. Поэтому он снова перевёл разговор на обычные темы. Невеста ничего не заподозрила. Во всяком случае, Владимир предпочёл так думать. Они попрощались, пожелали друг другу спокойной ночи, и он положил телефон на стол, некоторое время прислушиваясь к тишине, которая после разговора казалась более заметной, чем прежде. Иногда ему хотелось, чтобы рядом находился человек, перед которым не требовалось бы постоянно сохранять уверенность. Но сама мысль о подобной близости вызывала определённое беспокойство, ведь если позволить

другому увидеть собственную слабость, неизбежно придётся признать, что она существует не только в редкие моменты потери контроля, но и в самой обыкновенной повседневной жизни.

Владимир подошёл к окну. За стеклом мерцал вечерний город. Окна соседних домов светились жёлтым и холодным белым светом, по улицам двигались автомобили, на перекрёстках медленно собирались и расходились потоки машин, а редкие прохожие торопились домой, стараясь как можно скорее оказаться в тепле. Владимир смотрел на эту картину с привычным ощущением обособленности. Сегодня ему удалось провести день практически без отклонений от намеченного порядка, восстановить рабочее равновесие, добиться заметного профессионального результата, выполнить тяжёлую тренировку и закончить вечер именно так, как он считал правильным. Он был доволен собой. Более того, сегодняшнее благополучие представлялось ему особенно ценным после вчерашней неудачи, поскольку позволяло воспринимать случившееся как временное отступление, которое не способно изменить подлинную сущность человека, достаточно твёрдо придерживающегося собственных убеждений. Владимир невольно выпрямился. В тёмном стекле отражался высокий мужчина с широкими плечами и спокойным лицом, за которым почти невозможно было разглядеть утреннее беспокойство, не говоря уже о том странном состоянии, что охватило его вчера возле бара. Он снова подумал о стиле. Не только об одежде, но и о способности человека сохранять определённую форму поведения независимо от обстоятельств, о привычке не позволять случайным желаниям распоряжаться собственным временем, о достоинстве, которое, по его мнению, должно проявляться даже в самых незначительных движениях и поступках. Ему казалось, что именно здесь заключается главное отличие человека, сознательно строящего собственную жизнь, от того, кто просто подчиняется очередному желанию, возникающему без всякой связи с прежними намерениями. Но чем дольше Владимир размышлял об этом, тем настойчивее возвращался к одному неприятному обстоятельству. Ведь вчерашним вечером он тоже руководствовался собственными желаниями. Он сам решил зайти в бар, сам заказал дополнительные коктейли, сам согласился присоединиться к незнакомой компании, и хотя нападение произошло совершенно независимо от его воли, всё, что случилось после него, оставалось частью его собственного поведения. Получалось, что дело заключалось не просто в противопоставлении дисциплины и беспорядка. И вчера, и сегодня Владимир испытывал удовольствие от ощущения собственной силы, только выражалось оно совершенно по- разному - утром он наслаждался возможностью управлять сложными рабочими обстоятельствами, вечером преодолевал физическое напряжение под тяжёлой штангой, а накануне, лежа на холодном асфальте, внезапно ощутил то же желание подчинить себе происходящее, но уже совершенно иным, пугающим способом. Эта связь показалась ему неприятной. Он попытался отмахнуться от неё, однако мысль продолжала развиваться сама собой, заставляя вспомнить лицо Николая возле автомобиля, осторожные вопросы о вчерашней драке и собственную поспешность, с которой он объявил произошедшее ошибкой, уже не заслуживающей внимания. Неужели всё было настолько просто? Неужели достаточно надеть хороший костюм, провести продуктивный день и выполнить тренировку, чтобы считать себя человеком, окончательно избавившимся от вчерашней слабости? Владимир некоторое время смотрел на своё отражение. Ему не хотелось отвечать. Он привык решать возникающие вопросы немедленно, находить объяснения и выстраивать последовательность действий, после которой проблема должна была исчезнуть, но сейчас перед ним возникло нечто такое, что невозможно было исправить ни дисциплиной питания, ни хорошо подготовленным контрактом, ни очередным достижением в спортивном зале. Возможно, вчера он просто впервые увидел себя в обстоятельствах, где привычные правила оказались бесполезны. Возможно, в нём действительно существовало нечто неподвластное обычному самоконтролю. А возможно, вся его сегодняшняя уверенность была лишь способом не возвращаться к вопросу, ответ на который ему совершенно не хотелось знать. Владимир отвернулся от окна.

В спальне было прохладно, постель оставалась аккуратно застеленной, часы на тумбочке показывали привычное время, и всё вокруг напоминало о том спокойном, упорядоченном существовании, которое он столько лет старался создать. Он разделся, тщательно сложил одежду, повесил серый шерстяной костюм на спинку стула и лёг, предварительно установив будильник на без пятнадцати пять. Завтра должен был начаться новый день. Обыкновенный рабочий день, наполненный понятными обязанностями, привычными делами и небольшими удовольствиями, которые Владимир давно научился распределять таким образом, чтобы ни одно из них не нарушало общего порядка. Он закрыл глаза. Но сон не приходил сразу. Вместо этого память снова возвратила его на холодный асфальт возле бара, причём теперь воспоминания были уже не такими тревожными, как утром, словно сознание постепенно привыкало к ним, находя возможность рассматривать случившееся без прежнего отвращения. Владимир вспомнил тяжесть чужого тела, собственные руки, внезапное ощущение силы и то необыкновенное возбуждение, которое испытал в момент, когда противник перестал сопротивляться. Он нахмурился. Ему не нравилось, что эта картина продолжает возвращаться, но ещё меньше нравилось осознавать, что воспоминание уже не вызывает прежнего ужаса и где-то в самой глубине сознания даже кажется странным образом привлекательным. Владимир перевернулся на другой бок, поправил одеяло и заставил себя думать о предстоящих рабочих задачах. Несколько минут он мысленно пересматривал расчёты, вспоминал замечания коллег, намечал последовательность завтрашних дел, пока привычная усталость наконец не начала брать верх. Дыхание стало ровнее. Мысли постепенно теряли отчётливость. Он почти уснул, когда совершенно неожиданно ему пришло в голову, что сегодняшнее спокойствие вовсе не обязательно свидетельствует об окончательной победе над собственной слабостью, ведь человек способен считать себя хозяином своих поступков лишь до тех пор, пока не возникает желание, достаточно сильное, чтобы заставить его усомниться в необходимости следовать прежним правилам. Владимир не стал развивать эту мысль, он слишком устал. В комнате было тихо, лишь часы на прикроватной тумбочке продолжали равномерно отсчитывать секунды, а за окном постепенно усиливался снегопад, скрывая под свежим белым покровом дворы, автомобили и улицы города. Владимир уснул с ощущением, что сумел вернуть себе утраченное равновесие, что вчерашний вечер окончательно остался в прошлом и что теперь достаточно придерживаться установленного порядка, чтобы ничего подобного больше не повторилось. Но где-то на самой границе сна и бодрствования ещё сохранялось едва уловимое воспоминание о том странном возбуждении, которое он испытал на асфальте, и если бы Владимир попытался прислушаться к нему внимательнее, то, возможно, обнаружил бы, что вовсе не все его желания стремятся к спокойствию, дисциплине и безупречной последовательности. Впрочем, он уже спал. А часы продолжали идти, медленно приближая утро, в котором привычная жизнь снова должна была потребовать от него определённого выбора, только сам Владимир ещё не подозревал, что на этот раз выбор может оказаться совершенно иным, чем он представлял себе накануне.

ГЛАВА III

Владимир проснулся около трёх часов ночи, причём пробуждение оказалось настолько внезапным, что в первое мгновение он даже не понял, где находится, и лишь постепенно, различив в темноте знакомые очертания мебели, серый прямоугольник окна и едва заметное свечение электронных часов на прикроватной тумбочке, вспомнил о собственной спальне, о прошедшем рабочем дне и о том, как ещё несколько часов назад ложился спать с приятным чувством человека, сумевшего окончательно вернуть себе утраченное равновесие. Теперь от этого равновесия не осталось почти ничего, хотя никакого определённого повода для беспокойства он назвать не мог, ведь за время сна не произошло ни одного события, способного изменить его положение, никто не звонил, не приходил, не требовал срочных решений, и всё же Владимир чувствовал в себе такое странное, мучительное беспокойство, словно до сих пор незаметная часть его существа внезапно потребовала внимания и больше не соглашалась ждать, пока он закончит с привычными обязанностями.

Он перевернулся на другой бок, поправил подушку, закрыл глаза и некоторое время пытался заставить себя уснуть, но вместо сонной рассеянности ощущал всё возрастающую ясность, от которой становилось почти невыносимо лежать неподвижно, поскольку каждая минута, проведённая в постели, представлялась напрасной уступкой необходимости, смысл которой он теперь совершенно перестал понимать.

Владимир сел, опустив ноги на прохладный пол, и посмотрел на стул возле гардероба, где с вечера висел аккуратно приготовленный серый шерстяной костюм, тот самый, в котором он вчера добился успеха на совещании, производил впечатление уверенного в себе человека и с удовлетворением наблюдал, как коллеги постепенно принимают предложенный им порядок работы. Ещё несколько часов назад эта одежда вызывала у него приятное ощущение внутренней собранности, теперь же её строгие очертания показались почему-то чужими, словно костюм принадлежал человеку, чьё существование Владимир был вынужден изображать изо дня в день, тщательно следя за выражением лица, голосом, привычками и даже собственными желаниями. Он прекрасно понимал нелепость подобного ощущения, ведь никакая одежда не могла заставить его совершать поступки против воли, а все правила, которыми была наполнена его жизнь, он когда-то установил самостоятельно, однако именно это обстоятельство теперь представлялось особенно странным - если человек сам придумал для себя множество ограничений, почему он обязан продолжать им подчиняться только потому, что однажды счёл их разумными? Вопрос был не новым, но прежде Владимир предпочитал отвечать на него рассуждениями о дисциплине, характере и необходимости последовательного развития личности, тогда как сейчас привычные объяснения не приносили прежнего удовлетворения, и ему всё настойчивее хотелось сделать что-нибудь такое, чего он сам от себя не ожидал, пусть даже этот поступок окажется бессмысленным, не принесёт пользы и впоследствии вызовет сожаление.

Он встал, подошёл к комоду и выдвинул нижний ящик, в котором хранились вещи, почти никогда не появлявшиеся в его повседневной жизни, затем достал чёрные джинсы, плотный тёмный худи и тяжёлые ботинки, которые прежде надевал главным образом в плохую погоду, когда необходимость сохранять безупречный внешний вид становилась менее существенной.

Одеваясь, Владимир испытывал странное удовольствие от того, что сейчас ему не требовалось выбирать рубашку, завязывать галстук или оценивать перед зеркалом правильность посадки пиджака, и хотя подобная свобода представлялась совершенно ничтожной по сравнению с теми решениями, которые он ежедневно принимал на работе, именно она почему-то казалась сейчас особенно важной.

Он прошёл через прихожую, машинально задержав взгляд на ключах от автомобиля, лежавших на обычном месте, но не взял их, поскольку не собирался заранее определять ни

маршрут, ни время возвращения, а сама возможность выйти из дома без определённой цели внезапно доставила ему почти забытое удовольствие. Закрыв за собой дверь, Владимир спустился на улицу.

Мороз оказался сильнее, чем он предполагал, и первые несколько вдохов неприятно обожгли горло, однако эта резкость только усилила охватившее его возбуждение, поскольку после тёплой квартиры, где воздух сохранял одинаковую температуру независимо от погоды, ночной холод воспринимался не как неудобство, а как прикосновение чего-то настоящего, существующего совершенно независимо от человеческого желания. Снег шёл густо и почти бесшумно, постепенно скрывая следы автомобилей, неровности асфальта и границы тротуаров, а высокие дома, которые днём представлялись Владимиру воплощением современной городской организации, теперь выглядели одинаково чужими и неподвижными, словно за их тёмными окнами не было ни людей, ни привычной жизни, а лишь бесконечные ряды пустых помещений. Он закурил, несколько минут постоял возле подъезда и направился прочь от жилого комплекса, не заботясь о том, куда именно приведёт его дорога, хотя где-то в глубине сознания уже существовало смутное намерение отправиться в старую промышленную часть города, куда он прежде никогда не заходил без особенной необходимости.

Владимир шёл быстро, ощущая, как снег хрустит под тяжёлыми подошвами, а мороз постепенно пробирается сквозь одежду, но в отличие от обычных прогулок, которые он привык воспринимать как часть здорового образа жизни и нередко оценивал по количеству пройденных километров, нынешнее движение не имело никакой измеримой цели, и именно эта бессмысленность казалась ему свидетельством неожиданно обретённой свободы.

В какой-то момент он остановился под старым фонарём, закреплённым на слегка покосившемся столбе, и поднял голову, наблюдая, как в тусклом жёлтом свете снежинки появляются из темноты, кружатся, сталкиваются с порывами ветра и исчезают внизу, уступая место следующим, таким же бесчисленным и непохожим друг на друга. Владимир долго смотрел на снег, постепенно переставая замечать окружающие здания, редкие автомобили и холод, от которого начинали неметь пальцы, поскольку в этой непрерывной перемене направлений вдруг увидел нечто напоминавшее ему изображения далёких звёздных скоплений, туманностей и огромных пространств Вселенной, о которых он любил читать в юности, когда человеческие заботы казались особенно незначительными перед бесконечностью космоса. Он знал, конечно, что движение снежинок объясняется вполне определёнными физическими законами и что Вселенная устроена неизмеримо сложнее, чем представлялось в популярных рассуждениях о хаосе, однако сейчас его занимала не научная точность этой картины, а то чувство, которое она вызывала, ведь всё происходящее перед глазами представлялось удивительно свободным от человеческих установлений, не нуждалось ни в чьём одобрении и не пыталось соответствовать представлениям о красоте, порядке или целесообразности. Как наверху, так и внизу, подумал он, вспомнив старое выражение, смысл которого прежде казался ему слишком неопределённым, а теперь вдруг приобрёл почти личное значение. Если звёзды рождаются, изменяются и исчезают независимо от всяких человеческих ожиданий, если целые миры существуют вне наших представлений о добре, пользе и правильном устройстве жизни, то почему человек должен непременно считать собственное стремление к порядку единственно возможным способом существования? Ему нравилась эта мысль, особенно потому, что она освобождала его от необходимости вспоминать вчерашнюю драку как нечто постыдное, позволяя увидеть в собственных порывах не слабость, от которой следует избавиться, а проявление той же непредсказуемой силы, которую он сейчас воображал разлитой по всему мирозданию.

Он достал сигарету изо рта, посмотрел на тлеющий кончик и бросил окурок в сугроб, где тот оставил небольшую тёмную ямку посреди нетронутой белизны, после чего снова зашагал вперёд, испытывая уже не простое желание прогуляться, а настойчивую потребность оказаться среди людей, рядом с которыми ему не придётся изображать благоразумие и объяснять,

почему он не желает жить так, как жил ещё вчера. И если бы кто-нибудь спросил Владимира в ту минуту, чего именно он ищет, он, вероятно, ответил бы, что хочет увидеть настоящую жизнь, не скрытую за приличными манерами, дорогой одеждой и бесконечными условностями, хотя сам ещё не вполне понимал, почему непременно связывает эту подлинность с тем, что прежде считал низменным, грязным и недостойным внимания. Чем дальше Владимир уходил от знакомых улиц, тем заметнее менялся город, постепенно исчезали ухоженные фасады, ярко освещённые витрины и ровные ряды припаркованных автомобилей, а на их месте возникали старые кирпичные здания, тёмные дворы, высокие металлические ограждения и заброшенные склады, в которых когда-то, вероятно, работали сотни людей, но теперь не происходило почти ничего, кроме медленного разрушения, неизбежного для всего, о чём перестали заботиться. Он знал, что в этой части города находилось заведение, известное под названием «Котёл», хотя никогда прежде не испытывал особенного желания его посещать, поскольку рассказы о дешёвом алкоголе, ночных драках и людях, которые появлялись там главным образом для того, чтобы забыть о собственной жизни, вызывали у него скорее брезгливость, нежели любопытство. Теперь же именно это место представлялось ему подходящим, причём Владимир не стал бы отрицать, что в его выборе присутствовало определённое тщеславие, ведь одно дело - позволить себе отступление от привычного распорядка в каком-нибудь приличном баре, где даже нарушение правил остаётся частью вполне предсказуемого развлечения, и совсем другое - добровольно отправиться туда, где никто не собирается оценивать его образование, положение или безупречный внешний вид.

- Вот и посмотрим, чего стоят все эти условности, - подумал он, подходя к бывшему мясокомбинату, под которым располагался клуб.

Вход находился ниже уровня улицы, за короткой лестницей, уходившей к тяжёлой железной двери, на поверхности которой проступали пятна ржавчины, а возле стены стоял крупный охранник в объёмной куртке, с таким безразличным выражением лица, какое бывает у людей, вынужденных каждую ночь объяснять одно и то же посетителям, уже успевшим выпить больше положенного.

- Куда? - спросил охранник, когда Владимир приблизился.

- Внутрь.

- Один?

- Как видишь.

Охранник окинул его взглядом, задержался на непривычно спокойном лице, затем на широких плечах и тяжёлых ботинках, словно прикидывая, не возникнет ли от нового посетителя дополнительных хлопот, после чего отступил в сторону и коротким движением указал на дверь. Владимир воспринял это отступление с почти детским удовольствием, хотя, если бы попытался посмотреть на происходящее беспристрастно, ему пришлось бы признать, что охранник, вероятнее всего, просто не нашёл причин задерживать очередного посетителя.

Он толкнул дверь. В лицо сразу ударил тяжёлый, нагретый воздух, наполненный запахами алкоголя, табачного дыма, разлитых напитков и человеческих тел, слишком долго находившихся в тесном помещении, а вместе с этим воздухом на него обрушилась музыка, басы которой ощущались не столько слухом, сколько грудной клеткой, заставляя на мгновение остановиться, чтобы привыкнуть к непрерывной вибрации. Клуб располагался в низком подвальном зале, освещённом красноватыми лампами и редкими вспышками стробоскопов, от которых лица людей то возникали из полумрака, то исчезали снова, приобретая странные, почти гротескные выражения, напомнившие Владимиру некоторые картины Гойи, которые он когда-то рассматривал в альбоме по истории искусства. Он невольно вспомнил свой офис, полированный стол в конференц- зале, аккуратные документы и ровный свет, падавший

через большие окна, и от этого воспоминания окружающее пространство показалось ещё более чуждым всему, что он прежде считал достойным. Люди двигались под музыку, разговаривали возле стен, толкались возле барной стойки, кто-то смеялся, запрокинув голову, кто-то стоял с совершенно неподвижным лицом, уставившись в пустоту, а несколько посетителей уже настолько плохо владели собственным телом, что продолжали танцевать скорее по инерции, чем из действительного желания. Ещё совсем недавно подобное зрелище вызвало бы у Владимира раздражение, ведь ему всегда казалось, что человек, добровольно доводящий себя до такого состояния, тем самым признаёт неспособность управлять собственной жизнью, но теперь он смотрел на этих людей с неожиданным интересом и даже испытывал некоторое облегчение от того, что здесь никто не пытался изображать благоразумие. Впрочем, его представление об окружающих оставалось столь же высокомерным, как и прежде, только если вчера Владимир презирал людей за отсутствие дисциплины, то сегодня начинал презирать их за недостаточную, как ему казалось, смелость в стремлении к свободе, поскольку и здесь, среди шума, грязи и алкогольного опьянения, большинство посетителей продолжало подчиняться своим привычкам, не задумываясь о том, что именно заставляет их возвращаться в этот подвал снова и снова.

Он прошёл к барной стойке, по дороге несколько раз задев плечами танцующих, которые недовольно оборачивались, но почти сразу забывали о нём, и положил ладонь на потемневшее деревянное покрытие, усеянное царапинами, следами пролитых напитков и небольшими круглыми ожогами. Бармен, мужчина с усталым лицом и покрасневшими глазами, подошёл не сразу, предварительно закончив разговор с другим посетителем, затем посмотрел на Владимира без особенного любопытства.

- Чего будешь?

- Ром, без льда.

Бармен кивнул и отвернулся.

Владимир остался возле стойки, наблюдая за движением людей и постепенно привыкая к тому, что музыка не прекращалась ни на мгновение, словно здесь существовало особое время, не разделённое на часы, минуты и привычные последовательности действий. Он ещё не успел получить заказ, когда рядом появился высокий жилистый мужчина с несколькими заметными шрамами на лице и татуировкой в виде паутины на шее, причём подошёл тот с такой нарочитой уверенностью, будто заранее знал, что разговор должен закончиться в его пользу.

- Забрёл ты не туда, дружище - произнёс незнакомец, приблизившись почти вплотную. - Тут вообще-то хозяева есть, так что неплохо бы угостить местных, прежде чем устраиваться.

Владимир посмотрел на него.

При других обстоятельствах он, вероятно, просто отошёл бы в сторону, поскольку давно считал бессмысленным тратить время на общение с людьми, которые начинают разговор с попытки унизить собеседника, но сейчас ему почему-то совершенно не хотелось уступать, и даже больше того - в словах незнакомца он услышал приглашение к той самой борьбе, которой ещё недавно так настойчиво пытался избегать.

- Ты просишь меня купить тебе выпивку и при этом называешь себя хозяином? - спокойно спросил Владимир. - Не кажется, что одно немного противоречит другому?

Мужчина усмехнулся, хотя по выражению его глаз было заметно, что ответ ему не понравился.

- Я смотрю, ты разговорчивый.

-только когда есть о чём поговорить.

- Ты, похоже, не понял.

- Возможно, - ответил Владимир, не отводя взгляда. -тогда объясни.

Он сам слышал, насколько вызывающе звучат собственные слова, и понимал, что продолжение разговора ничего хорошего не обещает, однако вместо привычного стремления избежать ненужного конфликта ощущал растущее возбуждение, словно наконец оказался в обстоятельствах, где не требовалось никого убеждать в собственной правоте, готовить документы или подбирать формулировки, а достаточно было просто не уступить.

Незнакомец выругался и резко вскинул руку.

Владимир среагировал почти мгновенно, ударив мужчину в горло, а затем с силой прижав его к стойке, и всё дальнейшее произошло настолько быстро, что уже через несколько мгновений перед ним оказалось искажённое страхом лицо человека, который ещё секунду назад пытался распоряжаться происходящим. Он чувствовал чужое сопротивление, слышал хриплое дыхание, замечал судорожные движения рук, но не отпускал, хотя прекрасно понимал, что опасность уже миновала и дальнейшее применение силы не имеет ничего общего с необходимостью защищаться. Именно это понимание сделало происходящее особенно страшным, поскольку на этот раз Владимир не мог объяснить своё поведение внезапностью нападения или действием алкоголя, ведь он ещё почти ничего не выпил, совершенно ясно осознавал собственные движения и, что было важнее всего, чувствовал, как возможность окончательно подчинить другого человека доставляет ему удовольствие. Ему вспомнился вечер возле бара, холодный асфальт и испуганные глаза первого противника, но теперь вместо отвращения к собственному состоянию возникло странное ощущение узнавания, словно он наконец обнаружил в себе нечто давно существовавшее, но прежде скрытое под многочисленными слоями привычек, правил и разумных объяснений.

- В космосе нет милосердия, - негромко произнёс Владимир, почти не узнавая собственного голоса. - Там действуют силы, которым совершенно безразлично, чего ты хочешь, и, если уж тебе так необходимо считать себя хозяином, попробуй сначала понять, чем ты в действительности управляешь.

Мужчина не мог ответить. Владимир смотрел на него ещё несколько мгновений, а затем, поддавшись какой-то нелепой потребности довести до конца мысль, возникшую у него под уличным фонарём, добавил с такой убеждённостью, словно произносил не слова, а окончательный приговор:

- Сегодня я - гравитация, а ты всего лишь то, что оказалось у неё на пути.

После этого он разжал руки. Мужчина тяжело осел на пол возле стойки, пытаясь восстановить дыхание, а Владимир отступил на шаг и неожиданно почувствовал не раскаяние, не испуг и даже не привычное беспокойство о возможных последствиях, а почти полное безразличие, которое сам поспешил принять за свидетельство внутренней свободы. Лишь на мгновение ему пришло в голову, что несколько секунд назад он мог причинить человеку непоправимый вред, но эта мысль оказалась настолько несовместимой с его нынешним состоянием, что он почти сразу отодвинул её в сторону, предпочтя думать о случившемся как о столкновении двух людей, один из которых просто оказался сильнее.

Вокруг продолжала играть музыка.

Несколько посетителей обернулись, кто-то отступил от стойки, но большинство почти сразу вернулось к своим разговорам, словно произошедшее представлялось вполне обычной неприятностью, не заслуживавшей особенного внимания.

Бармен поставил перед Владимиром заказанный ром, не задавая вопросов. Он взял стакан и выпил, чувствуя, как крепкий алкоголь обжигает горло, после чего повернулся к залу и некоторое время стоял неподвижно, прислушиваясь к собственному состоянию. Теперь ему казалось, что он наконец перестал обманывать себя. Вчера Владимир видел смысл жизни в безупречном порядке, аккуратной одежде, точных расчётах и способности подавлять нежелательные желания, а сегодня вдруг решил, что всё это представляло собой лишь удобный способ избежать встречи с собственной природой, которая, как он теперь полагал, вовсе не обязана быть благоразумной, последовательной и нравственно безупречной. Однако в этом новом убеждении уже существовало противоречие, которого он пока не замечал, поскольку, отказавшись от прежних правил, Владимир вовсе не перестал стремиться к превосходству над окружающими, а лишь нашёл для этого другую форму, значительно более грубую и опасную. Именно тогда он заметил девушку.

Она стояла возле обшарпанной колонны немного в стороне от танцующей толпы, одетая в выцветшую куртку, которая была ей заметно велика, и смотрела на Владимира с таким напряжённым вниманием, что он сразу понял: она видела всё произошедшее возле барной стойки и, в отличие от остальных посетителей, не собиралась делать вид, будто ничего особенного не случилось. Тёмные волосы прилипли к её бледному лицу, макияж возле глаз немного размазался, а вся её фигура производила впечатление человека, который оказался здесь не столько из желания развлечься, сколько потому, что не представлял себе другого места, куда можно было бы отправиться этой ночью. Владимир смотрел на неё несколько секунд, пытаясь понять, что именно привлекло его внимание, ведь девушка не соответствовала тем представлениям о красоте и ухоженности, которыми он привык руководствоваться в повседневной жизни, и всё же в её неподвижном взгляде присутствовало нечто такое, чего он не находил ни в одном из окружающих лиц. Она смотрела не с восхищением, скорее со страхом, смешанным с мучительным любопытством, которое не позволяло ей отвести глаза, хотя разум, вероятно, подсказывал, что именно это следовало сделать в первую очередь.

Владимир направился к ней. Он проходил сквозь толпу, не особенно заботясь о том, чтобы никого не задеть, и люди невольно уступали дорогу его широкой фигуре, временами недовольно оглядываясь, но почти сразу возвращаясь к своим занятиям, тогда как девушка продолжала наблюдать за его приближением, постепенно прижимаясь спиной к колонне.

Когда он остановился рядом, она подняла голову.

- Ты всё видела? - спросил Владимир.

Девушка кивнула.

- И почему не отвернулась, как остальные?

Она некоторое время молчала, разглядывая его лицо, словно пыталась определить, действительно ли он хочет услышать ответ, а затем посмотрела через его плечо на людей, продолжавших танцевать под громкую музыку.

- Потому что они будто мёртвые, - произнесла она наконец. - Приходят сюда каждую ночь, делают одно и то же, пьют, трясутся под музыку, уходят, а потом возвращаются и начинают сначала, словно ничего другого для них вообще не существует.

Владимир слегка улыбнулся.

- А ты?

- А я хотя бы понимаю, что происходит.

- И что же происходит?

Девушка снова посмотрела ему в глаза.

- Не знаю, - призналась она после небольшой паузы. -только ты на них не похож, и от этого мне почему-то страшнее, чем от всего остального.

Последние слова почему-то доставили Владимиру большее удовольствие, чем если бы она прямо призналась в восхищении, поскольку страх представлялся ему теперь более искренней реакцией, чем обычная человеческая симпатия, которую можно вызвать хорошими манерами, привлекательной внешностью или умением поддерживать разговор. Он не стал спрашивать, как её зовут, откуда она пришла и почему оказалась в этом подвале, хотя ещё недавно именно подобные вопросы показались бы ему необходимым началом всякого знакомства. Вместо этого Владимир протянул руку и крепко взял девушку за запястье. Она вздрогнула, но не попыталась освободиться.

-тогда пойдём, - сказал он.

- Куда?

- Отсюда.

Она несколько мгновений смотрела на его руку, затем снова подняла глаза, и Владимир заметил, что ей страшно, однако вместо того, чтобы ослабить хватку, лишь потянул её за собой, испытывая неприятное, но уже знакомое удовольствие оттого, что теперь ему не требуется убеждать другого человека в необходимости следовать его решению. Они прошли через танцпол, обогнули несколько компаний возле стены и направились к выходу, оставляя позади густой воздух, громкую музыку и красноватый свет, в котором лица людей продолжали то появляться, то исчезать, словно сам клуб представлял собой огромную машину, безразлично перемалывающую человеческие вечера.

Когда тяжёлая дверь закрылась за ними, окружающая тишина показалась почти неестественной. Метель усилилась. Ветер швырял в лицо мелкий колючий снег, завывал между заброшенными складами и заставлял металлические листы на старых ограждениях глухо дребезжать, а девушка, не ожидавшая такого холода, сразу втянула голову в плечи и попыталась плотнее запахнуть свою слишком большую куртку. Владимир отпустил её запястье и сделал несколько шагов вперёд, остановившись под уличным фонарём, где жёлтый свет выхватывал из темноты непрерывно движущиеся снежинки. Он поднял голову. Девушка осталась рядом, осторожно переминаясь с ноги на ногу.

- Посмотри наверх, - сказал Владимир.

Она послушно взглянула на фонарь.

- Что ты видишь?

- Снег, - ответила она после небольшой паузы. - Метель, больше ничего.

Владимир улыбнулся, как человек, который давно ожидал именно такого ответа.

- А я вижу звёзды.

Девушка посмотрела на него с недоумением.

- Какие звёзды? Их же не видно.

- Я не о тех звёздах, которые находятся над облаками, - ответил он, вновь переводя взгляд на бесконечное движение снежинок. - Посмотри, как они кружатся, как каждая движется по собственной траектории, сталкивается с другими, исчезает и появляется снова, ведь если на мгновение забыть, что перед нами всего лишь

снег, можно представить себе целую Вселенную, где всё непрерывно рождается, движется, разрушается и меняется.

Он говорил увлечённо, почти не замечая, что девушка дрожит от холода, и чем дольше продолжал, тем сильнее чувствовал необычайную ясность собственных мыслей, словно огромный мир, ещё недавно представлявшийся совокупностью случайностей, вдруг открыл перед ним простое и окончательное объяснение.

- Мы привыкли думать, что во всём должен существовать определённый порядок, - продолжил Владимир. - Что человеку необходимо заранее знать, кем он собирается стать, сколько будет зарабатывать, как должен выглядеть, что ему позволено чувствовать и чего он обязан стыдиться, а между тем достаточно выйти ночью на улицу и посмотреть наверх, чтобы понять, насколько смешными становятся все эти правила перед тем, что существует независимо от нас.

Девушка молчала.

- Я много лет строил свою жизнь так, словно из человека можно сделать совершенный механизм, который никогда не ошибается и всегда действует правильно, - говорил он, постепенно повышая голос, чтобы перекрыть шум ветра. - Я выбирал одежду, рассчитывал время, следил за телом, придумывал себе принципы и считал, что чем меньше случайного остаётся в моём существовании, тем ближе я подхожу к чему-то по- настоящему достойному, хотя, возможно, всё это время просто боялся обнаружить, что внутри меня есть желания, которым совершенно безразличны мои представления о достоинстве.

Он повернулся к девушке.

- Понимаешь, я думал, что порядок делает меня свободным, а теперь мне кажется, что я сам превратил его в клетку, потому что однажды решил, каким человеком должен быть, и с тех пор не позволял себе даже усомниться в правильности этого решения.

Девушка внимательно слушала, хотя в выражении её лица чувствовалось не только увлечение словами Владимира, но и растерянность человека, внезапно оказавшегося участником чужого внутреннего переворота, смысл которого ещё невозможно понять до конца.

- Но ведь без порядка тоже нельзя, - тихо сказала она. - Если каждый станет делать всё, что ему захочется, что тогда будет?

Владимир некоторое время смотрел на неё.

Вопрос оказался значительно разумнее, чем он ожидал, и на мгновение ему даже захотелось ответить так, как ответил бы вчерашний Владимир, ссылаясь на ответственность, необходимость ограничений и неизбежность человеческого общежития, однако эта привычная последовательность мыслей вдруг показалась ему невыносимо чужой.

- А кто сказал, что я собираюсь жить без всяких законов? - произнёс он. - Я лишь больше не хочу считать собственные привычки законами мироздания, ведь совершенно очевидно, что природа не спрашивает нашего разрешения, прежде чем изменить то, что казалось неизменным.

Он подошёл ближе и взял девушку за плечи. Движение оказалось слишком резким, и она непроизвольно напряглась, однако не отступила, продолжая смотреть ему в лицо с тем странным сочетанием страха и внимания, которое всё сильнее привлекало Владимира.

- Я хочу хотя бы однажды перестать быть тем человеком, которого сам себе придумал, - сказал он уже тише. - Не исправлять очередную ошибку, не начинать с понедельника новую жизнь, не обещать, что завтра опять стану благоразумным, а

просто позволить себе существовать без необходимости всё время доказывать собственную правильность.

Девушка медленно подняла руку и положила ладонь ему на грудь. Владимир почувствовал её холодные пальцы сквозь плотную ткань худи и неожиданно замолчал, поскольку прикосновение оказалось настолько простым и человеческим, что на несколько мгновений нарушило торжественное течение его рассуждений. Они стояли посреди метели, почти незнакомые друг другу люди, и Владимир вдруг понял, насколько странным должно выглядеть происходящее со стороны - мужчина, только что едва не причинивший другому тяжёлый вред, теперь пытается объяснить испуганной девушке устройство Вселенной и смысл человеческой свободы, словно одно обстоятельство каким-то образом оправдывает другое. Но вместо того, чтобы задуматься об этом противоречии, он почувствовал желание продолжить собственное освобождение, довести его до какого-то зримого, окончательного поступка, после которого уже невозможно будет убедить себя, будто всё произошедшее представляло собой случайную ночную прогулку.

- Что мы будем делать дальше? - спросила девушка, когда молчание затянулось.

Владимир посмотрел в сторону далёких огней финансового квартала. Он уже знал ответ.

- Уничтожать, - произнёс он почти спокойно.

Девушка отняла ладонь.

- Что?

- Всё, что ещё вчера казалось мне настолько важным, что без этого я не представлял собственной жизни.

Он обнял её за талию и повёл прочь от фонаря, туда, где старые склады постепенно уступали место более широким улицам, а впереди сквозь снежную мглу уже проступали тёмные очертания стеклянных высотных зданий. Они шли довольно долго.

Ветер постепенно усиливался, снег забивался в складки одежды, и девушка всё чаще отставала, вынужденная почти бежать, чтобы поспевать за широкими шагами Владимира, который, казалось, совершенно перестал ощущать холод и усталость, настолько сильно занимала его мысль о предстоящем поступке. Он не объяснял спутнице, куда именно они направляются, хотя несколько раз замечал её вопросительный взгляд, и лишь крепче прижимал её к себе, когда порывы ветра становились особенно сильными, воспринимая это молчаливое согласие следовать за ним как подтверждение того, что девушка разделяет его внезапно открывшееся понимание свободы. Впрочем, на самом деле Владимир почти ничего о ней не знал. Он не знал, чего она хочет, чего боится, о чём думает, не знал даже её имени, но уже успел вообразить, что именно эта случайная незнакомка способна понять его лучше всех людей, с которыми он был связан прежней жизнью, и подобная уверенность нравилась ему настолько, что задавать вопросы представлялось совершенно излишним.

Постепенно старые промышленные здания остались позади. Перед ними возникли широкие проспекты, высокие деловые центры и массивные башни с тёмными стеклянными фасадами, на которых отражались редкие фонари и огни проезжавших автомобилей, а Владимир, ещё днём смотревший на эту архитектуру с привычным уважением, теперь испытывал почти физическое отвращение к её строгим линиям и безупречной симметрии. Ему казалось, что всё здесь устроено для людей, привыкших измерять собственную жизнь результатами, цифрами и положением в определённой иерархии, и хотя он сам ещё совсем недавно принадлежал к их числу и даже гордился этим, теперь подобное существование представлялось ему чем-то удивительно бедным.

Он остановился перед знакомым зданием. Владимир хорошо знал этот вход, стеклянные двери, освещённый холл и турникеты, через которые ежедневно прохо-

дили сотни сотрудников, направляясь к рабочим местам, причём ещё вчера сама возможность беспрепятственно входить сюда казалась ему одним из многочисленных подтверждений достигнутого положения. Теперь же он смотрел на здание с холодным любопытством человека, решившего вернуться в собственное прошлое только затем, чтобы убедиться в его окончательной ненужности.

- Ты здесь работаешь? - спросила девушка.

- Работал, - ответил Владимир, хотя никакого решения об увольнении, разумеется, не принимал.

Он достал служебную карту и приложил её к считывателю. Двери открылись. Внутри было тепло и тихо. После метели воздух холла показался почти неподвижным, а блестящий пол, ровные линии стен и одинаковые светильники производили впечатление пространства, в котором предусмотрели всё необходимое, чтобы человек как можно реже задумывался о собственном существовании.

Охранник сидел в небольшой застеклённой комнате возле мониторов, на мгновение поднял голову, заметив движение у входа, но, увидев сотрудника с действующей картой доступа, почти сразу вернулся к экрану. Владимир прошёл к лифтам. Девушка следовала за ним, оглядываясь по сторонам с осторожным удивлением, словно никак не могла понять, каким образом человек, которого она только что встретила в грязном подвале, оказался связан с этим огромным, совершенно иным миром. Когда двери лифта закрылись, она посмотрела на его отражение в зеркальной стене.

- Ты правда здесь работаешь?

- Правда.

- И что же ты собираешься делать?

Владимир не ответил сразу. Он наблюдал за собственным отражением - чёрный худи, тяжёлые ботинки, уставшее лицо, всё ещё заметный синяк на скуле, - и испытывал странное удовольствие оттого, насколько мало нынешний внешний вид напоминал того мужчину, который ещё вчера поднимался в этом же лифте в сером костюме, мысленно повторяя расчёты перед рабочим совещанием.

- Хочу кое с чем попрощаться, - произнёс он наконец.

Лифт остановился на восьмом этаже. Коридор оказался почти полностью тёмным, лишь вдоль стен продолжали гореть дежурные светильники, выхватывая из полумрака двери кабинетов, стеклянные перегородки и пустые рабочие места, на которых оставались привычные вещи отсутствующих сотрудников - кружки, фотографии, ежедневники и документы, приготовленные для следующего рабочего дня.

Владимир шёл впереди. Он хорошо знал расположение помещений и потому двигался уверенно, не испытывая необходимости включать дополнительное освещение, тогда как девушка следовала за ним всё осторожнее, словно с каждым шагом начинала понимать, что предстоящий поступок может оказаться совершенно не похожим на обычную ночную выходку. Они остановились возле конференц- зала. За стеклянной дверью находился тот самый длинный стол, за которым ещё вчера Владимир объяснял руководству необходимость изменения структуры проблемного контракта, и на его поверхности по- прежнему лежала папка с подготовленными документами, которую он оставил после совещания. Он вошёл внутрь, подошёл к столу и взял её в руки. Бумага была плотной, приятной на ощупь, листы аккуратно выровнены, расчёты напечатаны без ошибок, и всё вместе представляло собой результат той самой способности к последовательной работе, которую Владимир много лет считал одним из главных собственных достоинств. Он перелистнул несколько страниц. Восемнадцать процентов увеличения рентабельности. Три

лишних этапа согласования. Два подрядчика, функции которых следовало перераспределить. Он помнил каждую цифру. Именно поэтому документы неожиданно вызвали в нём не просто неприязнь, а особенную досаду, ведь они напоминали, насколько много усилий он привык тратить на вещи, значимость которых ещё совсем недавно представлялась ему совершенно несомненной. Девушка остановилась возле двери.

- Это что?

- Контракт, - ответил Владимир.

- И что в нём такого?

- Ничего, - произнёс он после небольшой паузы. - В этом-то, пожалуй, и дело, что ничего.

Он сел в кресло начальника и положил папку перед собой, некоторое время рассматривая её с таким выражением, словно ожидал, что документы сами смогут объяснить ему, почему ещё вчера представлялись чрезвычайно важными, а теперь перестали вызывать что- либо, кроме желания поскорее избавиться от них. Владимир знал, что перед ним результат вполне реальной работы, затрагивающей интересы других людей, и понимал, что контракт не перестанет существовать только потому, что он уничтожит несколько бумажных страниц, однако именно эта ограниченность поступка почему-то не смущала его, поскольку сейчас ему был необходим не практический результат, а видимое подтверждение собственного отказа от прежних убеждений.

Он достал зажигалку. Девушка сразу заметила движение.

- Подожди, - произнесла она. - Ты что собираешься делать?

Владимир поднял на неё глаза.

- Смотри.

Он поджёг один из листов и положил его на край стола, наблюдая, как бумага постепенно темнеет и сворачивается, оставляя после себя хрупкие серые края, которые начинали осыпаться от малейшего движения воздуха. Девушка отступила на шаг.

- Ты с ума сошёл?

Владимир ничего не ответил. Он смотрел на огонь, чувствуя, как внутри постепенно нарастает то же возбуждение, которое испытал под уличным фонарём и возле стойки «Котла», только теперь перед ним не было другого человека, которому следовало доказать собственное превосходство, а находилась совершенно беззащитная вещь, ещё вчера служившая предметом его гордости. Он продолжал подкладывать листы из папки в растущее пламя, наблюдая, как исчезают таблицы, подписи и тщательно выверенные расчёты, а по помещению постепенно распространяется запах горящей бумаги, к которому вскоре примешался более неприятный запах нагретого лака от стола.

- Стиль - это система ценностей, - произнёс Владимир, вспомнив собственные вчерашние размышления, - и я всегда считал, что человек обязан сохранять эту систему, если не хочет окончательно потерять самого себя, но ведь если однажды выясняется, что все твои ценности держатся только на привычке, разве не становится необходимым хотя бы попробовать представить, что останется после их исчезновения?

Он посмотрел на девушку, та стояла неподвижно.

- Возможно, останется только форма, - добавил он уже тише. - А возможно, не останется вообще ничего.

В этот момент огонь добрался до поверхности стола, и Владимир впервые заметил, что происходящее вышло за пределы его красивого внутреннего жеста, превратившись в обыкновенное, вполне материальное разрушение, от которого помещение, в отличие от его философских рассуждений, действительно могло пострадать. Он ещё не успел окончательно осмыслить это обстоятельство, когда над головой раздался короткий щелчок. Почти сразу с потолка обрушилась вода. Она ударила по столу, документам, полу и одежде, мгновенно погасив огонь и наполнив конференц-зал глухим шумом, настолько неожиданным после ночной тишины, что девушка вскрикнула и закрыла лицо руками.

Владимир поднялся с кресла. Вода стекала по волосам и лицу, худи тяжело прилип к плечам, на полу собирались лужи, а по поверхности стола растекалась серая смесь пепла, размокшей бумаги и остатков обгоревшего покрытия. Всё произошло быстрее, чем он предполагал. Ему представлялось, что уничтожение документов станет торжественным и почти беззвучным завершением прежней жизни, тогда как в действительности перед ним находилась испорченная мебель, промокшие бумаги и девушка, которая дрожала от холода и испуга, пытаясь понять, что теперь будет дальше. На мгновение эта нелепость показалась Владимиру смешной и он даже улыбнулся. Ведь только что он пытался доказать превосходство человеческой свободы над установленным порядком, а теперь стоял посреди конференц-зала, где совершенно безличная система пожаротушения, созданная именно благодаря расчётам, предусмотрительности и строгому соблюдению правил, за несколько секунд остановила его маленькое восстание. Но и это противоречие он предпочёл обратить в подтверждение собственной правоты, поскольку теперь всякий порядок представлялся ему лишь временным состоянием, которое существует до тех пор, пока какое-нибудь непредвиденное обстоятельство не заставит его измениться.

Владимир подошёл к девушке. Она опустила руки и посмотрела на него, всё ещё тяжело дыша.

- Ты понимаешь, что натворил? - спросила она.

Он не ответил сразу, потому что вопрос, произнесённый без всякой философской торжественности, неожиданно прозвучал гораздо серьёзнее его собственных рассуждений. Конечно, он все понимал. Во всяком случае, вполне мог представить последствия случившегося, повреждённое имущество, испорченные документы, необходимость объясняться и неизбежное недоумение людей, которые завтра придут сюда на работу. Но именно сейчас Владимир не хотел думать об этом. Он поднял руки и осторожно обхватил лицо девушки ладонями, чувствуя, какая холодная у неё кожа, и заметил, что она снова напряглась, хотя не попыталась отстраниться.

- Порядок, - произнёс он почти шёпотом, - возможно, всего лишь частный случай хаоса.

Девушка смотрела на него молча. В её глазах Владимир надеялся увидеть подтверждение собственных мыслей, то особенное восхищение, которое представлялось ему естественной реакцией человека, впервые ставшего свидетелем настоящей свободы, однако теперь в этом взгляде присутствовало и нечто другое - растерянность, страх перед последствиями и, возможно, понимание, что мужчина, за которым она согласилась пойти, гораздо меньше способен управлять собой, чем пытается показать. Но он не захотел этого замечать.

Владимир отпустил её лицо, оглянулся на зал и некоторое время наблюдал, как вода продолжает стекать с края стола, унося в лужи остатки вчерашних расчётов, после чего почувствовал, что возбуждение начинает постепенно сменяться усталостью. Ему больше нечего было здесь делать.

- Нам пора, - сказал он, касаясь её плеча.

Девушка молча кивнула.

Они вышли из конференц- зала, оставив за собой мокрый пол, запах гари и остатки документов, которые ещё несколько часов назад казались Владимиру едва ли не главным доказательством его профессиональной состоятельности. По коридорам восьмого этажа они двигались почти беззвучно, Владимир шёл впереди, привычно ориентируясь среди рабочих помещений, а девушка старалась не отставать, временами оглядываясь назад, словно ожидала, что кто-нибудь непременно появится из темноты и потребует объяснить случившееся. Но никто не появлялся.

Они спустились по служебной лестнице, миновали пустые коридоры и добрались до холла, где сонный охранник всё так же сидел перед мониторами, лишь изредка переводя взгляд с одного изображения на другое. Владимир невольно посмотрел в его сторону. Ещё недавно он испытывал почти болезненную потребность, чтобы окружающие замечали его достоинства, достижения и превосходство, теперь же ему доставляло удовольствие совершенно противоположное обстоятельство - возможность пройти мимо человека, который даже не подозревал, свидетелем каких событий мог бы стать. Охранник не поднял головы.

Они вышли через технический выход на задний двор, и холодный воздух сразу окружил их со всех сторон, проникая сквозь промокшую одежду с такой силой, что девушка невольно остановилась, обхватив себя руками.

Снег продолжал идти. Ветер немного стих, но огромные белые хлопья всё ещё медленно опускались на пустую территорию возле здания, покрывая асфальт, автомобили и узкие дорожки ровным слоем, который быстро скрывал следы человека, проходившего здесь всего несколько минут назад.

Владимир остановился под фонарём. Снова перед глазами оказалось то же движение снежинок, которое несколько часов назад привело его к мысли о сходстве человеческой жизни с огромной непредсказуемой Вселенной, однако теперь он смотрел на снег несколько иначе, поскольку ночные события придали его рассуждениям ту материальную определённость, которой им прежде недоставало. Позади оставалось здание, где ещё недавно он проводил большую часть времени, планируя будущее, исправляя чужие ошибки и постепенно создавая образ человека, способного добиться всего благодаря дисциплине, разуму и последовательности поступков. Впереди находился зимний город. Он не знал, куда направится, когда вернётся домой и что станет делать завтра, и эта неопределённость, ещё недавно показавшаяся бы ему почти невыносимой, теперь наполняла его странным чувством облегчения.

- Как наверху, так и внизу, - тихо произнёс Владимир, наблюдая за снегом.

Девушка посмотрела на него.

- Что это значит?

Он задумался.

В обычном состоянии ему не составило бы труда предложить пространное объяснение, связать старое выражение с философскими представлениями о мироздании, вспомнить прочитанные книги и даже попытаться убедить собеседницу в правильности собственной интерпретации. Теперь же ему почему-то совершенно не хотелось ничего объяснять.

- Не знаю, - ответил он после небольшой паузы. - Наверное, что мы не так уж отличаемся от всего остального.

Девушка молчала.

Владимир обнял её за плечи, и они медленно пошли прочь от здания, оставляя позади ярко освещённые окна первого этажа и высокие тёмные стены, постепенно растворявшиеся в густом снегопаде. Ему казалось, что сегодня он совершил нечто окончательное, сумел разрушить невидимую границу между собой и той частью собственной природы, которую прежде предпочитал считать слабостью, и теперь сможет существовать совершенно иначе, не испытывая необходимости постоянно возвращаться к прежним правилам. Но в этом ощущении скрывалось и другое обстоятельство, пока остававшееся для Владимира незаметным, ведь он по- прежнему стремился превратить каждое своё желание в доказательство какой-нибудь великой истины, словно не мог позволить себе просто признаться, что иногда ему хочется быть сильнее других, иногда - разрушать созданное собственными руками, а иногда - совершать поступки, смысл которых он сам не способен объяснить. Даже отказываясь от прежнего порядка, Владимир продолжал искать возможность возвыситься над окружающими, только теперь хотел видеть подтверждение собственной исключительности не в безупречной дисциплине, а в способности переступить через всё, что ещё вчера считал необходимым. И если утром он называл свободой умение не поддаваться желаниям, то ночью с той же убеждённостью говорил о свободе как о праве следовать им без ограничений, не замечая, что оба представления одинаково требуют от него полного подчинения одной- единственной стороне собственного характера. Впрочем, сейчас подобные сомнения не имели над ним власти. Он шёл сквозь снег, чувствуя рядом тепло другого человека, слышал собственное дыхание и приглушённый хруст снега под тяжёлыми ботинками, а мысли о завтрашнем дне постепенно отступали куда-то далеко, туда, где оставались рабочие документы, служебные обязанности и человек в сером шерстяном костюме, с которым Владимир больше не желал себя отождествлять. Он был уверен, что никто не поймёт произошедшего этой ночью. Никто не узнает, почему человек, ещё вчера с таким удовольствием говоривший о восемнадцати процентах рентабельности, вдруг решил уничтожить собственную работу, почему отправился в грязный подвальный клуб, едва не покалечил незнакомца и привёл совершенно постороннюю девушку в здание, которое прежде считал одним из главных мест своей жизни. И особенно приятно Владимиру было думать, что всё это останется неизвестным, словно совершённое им не нуждалось ни в чьём объяснении, а потому и не могло быть подвергнуто чужому суду.

Между тем снег продолжал падать, совершенно безразличный к его убеждениям, не делая различия между аккуратным костюмом и мокрым худи, между добрым поступком и дурным, между человеком, стремящимся к порядку, и человеком, объявившим себя частью великого хаоса. Владимир этого равнодушия не замечал. Он смотрел вперёд и чувствовал себя необыкновенно живым, уверенный, что сумел наконец освободиться от собственной прежней личности, хотя в действительности лишь позволил другой её стороне на некоторое время взять верх.

Город постепенно исчезал за плотной белой завесой, и двое людей, почти ничего не знавших друг о друге, продолжали идти сквозь ночную метель, оставляя позади следы, которые снег стирал быстрее, чем они успевали оглянуться. А где-то далеко, в пустом конференц- зале на восьмом этаже, на повреждённом столе лежали размокшие остатки документов, которые Владимир ещё вчера считал свидетельством собственного величия, и это было, пожалуй, единственное совершенно бесспорное последствие его ночного освобождения.

ГЛАВА IV

Владимир проснулся, когда утро уже давно вступило в свои права и за окнами вместо привычной предрассветной темноты стоял холодный зимний свет, который сквозь неплотно задвинутые шторы проникал в спальню, ложился на гладкую поверхность шкафа, на аккуратно застеленное кресло и на дорогую постель, сохранившую после сна лишь несколько неглубоких складок, словно даже в отсутствие хозяина вещи продолжали подчиняться установленному им порядку.

Некоторое время он лежал неподвижно, прислушиваясь к собственному дыханию и пытаясь определить своё состояние, однако не обнаружил ни привычной тяжести после бессонной ночи, ни головной боли, ни мучительного сожаления о случившемся, хотя воспоминания постепенно возвращались и среди них были такие, которые ещё совсем недавно заставили бы его испытывать настоящее отвращение к самому себе. Перед глазами возникали отдельные образы - снег под жёлтым фонарём, подвальное помещение с красными лампами, испуганное лицо мужчины возле барной стойки, девушка в слишком большой куртке, затем стеклянные стены знакомого конференц- зала и огонь, медленно пожиравший страницы контракта, над которым он столько работал, - но теперь эти воспоминания словно утратили способность беспокоить его, превратившись в события, действительно произошедшие, однако уже не требовавшие от него ни оправданий, ни особенного участия.

Владимир приподнялся на локте, посмотрел на часы и неожиданно обнаружил, что опоздание относительно привычного распорядка не вызывает в нём почти никакого раздражения, будто сознание уже успело вернуться к той спокойной последовательности мыслей, при которой даже неприятные обстоятельства можно рассматривать как задачу, имеющую определённые условия и, следовательно, предполагающую возможность решения.

Он сел на кровати, потянулся и опустил ноги на пол. В спальне было прохладно, однако именно эта прохлада показалась ему особенно приятной после воспоминаний о душном подвале и нагретом воздухе офисного здания, где ещё ночью он чувствовал себя существом, наконец освободившимся от всех человеческих условностей, тогда как теперь подобное представление вызывало скорее любопытство, чем желание повторить пережитое.

Возле двери в ванную валялся чёрный худи, тяжёлый от высохшей влаги, пропитанный запахом гари и уличного холода, а рядом стояли ботинки, на подошвах которых ещё сохранились остатки грязи с земли, и эта неожиданная небрежность посреди привычной чистоты была, пожалуй, единственным обстоятельством, не позволявшим окончательно поверить, что всё произошедшее минувшей ночью относилось к какому-нибудь особенно причудливому сновидению.

Владимир остановился возле лежавшей на полу одежды. Он хорошо помнил, с каким удовольствием надевал её несколько часов назад, как отвратительны казались ему тогда строгие костюмы, аккуратные воротники и вся та внешняя правильность, в которой прежде находил почти нравственное удовлетворение, однако теперь, рассматривая мокрую ткань и испачканные ботинки, не испытывал к ним ни прежней нежности, ни особенной неприязни, словно вместе с окончанием ночи исчезло и то чувство, которое заставляло его видеть в обыкновенных вещах символы освобождения или порабощения.

Он перешагнул через одежду и направился в ванную. Холодная вода, ударившая по плечам, заставила его задержать дыхание, затем привычное ощущение бод-

рости постепенно распространилось по всему телу, и Владимир, закрыв глаза, некоторое время стоял под душем, наслаждаясь тем, как вместе с остатками ночной усталости к нему возвращается спокойная способность размышлять о происходящем без необходимости немедленно подчиняться собственным чувствам. Ему даже показалось странным, что вчера он мог настолько серьёзно рассуждать о свободе, находясь в состоянии, когда любое возникшее желание немедленно превращалось для него в необходимость, а любое препятствие вызывало стремление доказать собственное превосходство. Впрочем, он не считал нужным осуждать себя за произошедшее, поскольку в его нынешнем понимании ночные события были всего лишь проявлением определённой стороны человеческой природы, существование которой невозможно отрицать только потому, что она плохо согласуется с общественными представлениями о достоинстве.

Он вытерся полотенцем, посмотрел в зеркало и некоторое время рассматривал собственное лицо, всё ещё сохранявшее следы недавней драки, но теперь выражавшее такое спокойствие, словно никакой борьбы в нём вовсе не происходило.

Синяк на скуле постепенно менял цвет. Владимир осторожно коснулся его пальцами, поморщился и прошёл на кухню. На кухне всё оставалось таким, каким он привык видеть это помещение каждое утро, - чистые поверхности, расставленная по местам посуда, электронные весы возле разделочной доски и кофемашина, готовая приготовить напиток после нескольких привычных движений, - и Владимир с неожиданным удовольствием отметил, что необходимость подчиняться этому порядку больше не вызывает у него никакого протеста.

Он достал глубокую тарелку, поставил её на весы и отмерил шестьдесят граммов овсяных хлопьев, затем добавил рассчитанное количество молока, достал из холодильника киви и нарезал его аккуратными дольками, почти не задумываясь о точности собственных действий, поскольку многолетняя привычка позволяла выполнять их так же естественно, как другие люди заваривают чай или намазывают хлеб маслом. Сегодня ему требовалось несколько иное соотношение питательных веществ, чем накануне, и он без особенного труда внёс необходимые изменения в завтрак, вновь испытывая то простое удовлетворение, которое возникает, когда человеку удаётся сделать именно то, что он намеревался, не прибегая к излишним усилиям.

Возле его ног появилась Белла. Рыжая длиннолапая собака некоторое время наблюдала за приготовлением пищи, затем уселась возле стула, привычно ожидая, что Владимир обратит на неё внимание, и он, опустив руку, трижды провёл ладонью по её шерсти, после чего вернулся к завтраку. Белла осталась рядом. Владимир посмотрел на неё и подумал, что животному, вероятно, совершенно безразличны все человеческие рассуждения о свободе, достоинстве и необходимости самосовершенствования, ведь собака просто живёт в соответствии с собственными потребностями, доверяет привычному порядку, радуется возвращению хозяина и не испытывает никакой необходимости объяснять, почему сегодня ей хочется одного, а завтра совершенно другого. Ему даже пришло в голову, что эта простота могла бы служить примером для человека, если бы тот не обладал способностью превращать любое естественное желание в предмет бесконечных сомнений, однако мысль показалась слишком отвлечённой, чтобы задерживаться на ней надолго.

Он сел за стол, попробовал овсянку и посмотрел в окно. Ночная метель закончилась. Снег, который ещё несколько часов назад кружился в свете фонарей, стирал границы улиц и превращал знакомый город в нечто неопределённое, теперь лежал плотным белым покровом на тротуарах, автомобилях и крышах небольших

построек во внутреннем дворе, где уже работали снегоуборочные машины, постепенно возвращая всему привычные очертания. Владимир наблюдал, как тяжёлая жёлтая техника медленно продвигается вдоль дорожек, собирая снег в большие неровные валы, за которыми следовали дворники в оранжевых жилетах, посыпавшие очищенный асфальт реагентами, чтобы к вечеру он снова стал удобным и безопасным для людей, возвращающихся домой после работы. Вчера ночью он видел в метели целую Вселенную. Теперь та же самая метель оставила после себя работу, которую следовало выполнить, чтобы обеспечить движение автомобилей и возможность без особенного риска ходить по тротуарам.

Владимир поднёс ко рту ложку и остановился, вдруг почувствовав, что именно эта обыкновенная утренняя картина помогает ему яснее выразить мысль, возникшую ещё несколько часов назад, но тогда настолько переплетённую с возбуждением, что он едва ли смог бы отделить её от желания совершить что-нибудь необычное. Человеческий разум действительно подарил миру необыкновенно много, думал он, наблюдая за снегоуборочной машиной, ведь благодаря ему появились наука, медицина, законы, общественные институты и технологии, позволившие людям перестать зависеть от многих случайностей, которые на протяжении тысячелетий определяли их существование, благодаря ему человек научился строить города, преодолевать огромные расстояния, лечить болезни и создавать хотя бы относительную уверенность в завтрашнем дне. Он не собирался отрицать этого величия. Напротив, Владимир всегда испытывал настоящее уважение к способности человеческого ума превращать сложное в понятное, опасное в управляемое, а совершенно непредсказуемое в последовательность обстоятельств, которые можно изучить, рассчитать и при необходимости изменить. Разум построил дома, в которых не приходится дрожать от холода и бояться бури, создал двигатели, способные переносить человека через континенты, разработал правила, позволяющие совершенно незнакомым людям доверять друг другу хотя бы в пределах договора, и если задуматься, почти всё, что Владимир привык считать необходимым условием достойной жизни, являлось результатом этой бесконечной работы многих поколений.

Однако теперь, глядя на снег, который медленно превращался под колёсами машин в грязную, удобную для уборки массу, он вдруг почувствовал, что вместе с несомненным благополучием человек мог незаметно утратить нечто такое, чему невозможно подобрать точное определение, поскольку речь шла не просто о красоте природы, не о желании возвращаться к первобытному существованию и уж тем более не о бессмысленном отрицании достижений цивилизации, а о способности воспринимать мир как тайну, перед которой не обязательно немедленно искать объяснение и практическую пользу. Ведь ещё ночью снег был для него чем-то необъятным, почти космическим, он наблюдал за бесчисленными хлопьями, исчезавшими в темноте, и чувствовал странное родство с огромной, равнодушной Вселенной, тогда как теперь те же самые хлопья представляли собой всего лишь осадки, которые необходимо убрать, пока они не помешали движению транспорта. Обе картины были верными.

Но в первой существовало переживание, а во второй - задача. И Владимир всё настойчивее думал о том, не слишком ли дорого обошлась человеку его способность решать задачи, если вместе с безопасностью и удобством он постепенно научился отказываться от всякого чувства, которое невозможно объяснить, измерить или привести в соответствие с общественно одобряемым порядком. Ему казалось, что разум, подаривший людям столько великолепных вещей, одновременно совершил над человеческой природой нечто похожее на безупречно выполненную операцию,

в ходе которой были устранены не только страх, беспомощность и зависимость от стихий, но и способность испытывать первобытный трепет перед существованием, беспричинный восторг, неподдельную страсть и то ощущение сопричастности чему-то несоизмеримо большему, что прежде люди называли божественным. Владимир понимал, насколько опасно делать подобные выводы, поскольку ещё недавно сам мог бы указать множество примеров, доказывающих, что разум вовсе не уничтожает чувства, а зачастую делает их глубже, однако сегодня ему особенно хотелось увидеть в развитии цивилизации именно эту потерю, ведь тогда происходившее с ним приобретало бы значение не личной слабости, а своеобразного сопротивления всеобщему омертвению.

Он посмотрел на ровную полоску очищенного тротуара, за которой оставался нетронутый снег.

- Мы сделали мир безопаснее, - подумал Владимир, - но не превратили ли вместе с тем собственную жизнь в бесконечное обслуживание этой безопасности, не научились ли настолько хорошо защищать себя от неожиданностей, что теперь боимся даже тех переживаний, ради которых, возможно, и стоило бы жить?

Ему захотелось сформулировать мысль ещё определённее. Разум даровал человеку науку, порядок, благополучие и беспрецедентный комфорт, но вместе с этим, казалось Владимиру, постепенно вытеснил из его существования непосредственное чувство, первобытную красоту и божественность, заменив живое переживание мира необходимостью всё объяснять, классифицировать и подчинять практической цели.

Он снова вспомнил ночной клуб, мужчину возле барной стойки, девушку в безразмерной куртке и огонь, уничтожавший страницы договора. Ещё вчера утром подобные воспоминания вызвали бы у него стыд. Теперь же Владимир склонен был видеть в той ночи почти религиозное соприкосновение с собственной природой, хотя ему и не хотелось признаваться самому себе, что эта природа проявилась в том числе через жестокость, тщеславие и готовность причинить другим людям вполне реальный вред. Он предпочитал думать о свободе. О том, что Зверь, которого прежде считал необходимым постоянно сдерживать, возможно, сохранил в себе нечто такое, чего Архитектор, при всём совершенстве своих расчётов, никогда не сумел бы ни создать, ни понять. И когда Владимир закончил завтрак, ему уже почти казалось, что ночью он был ближе к какой-то высшей истине, чем в те часы, когда уверенно руководил сложными рабочими процессами, хотя сама возможность столь торжественно оправдать собственные поступки должна была бы вызвать у него хотя бы небольшое сомнение.

Телефон, лежавший возле чашки, бесшумно засветился. Написала невеста.

- Доброе утро. Как спалось?

Владимир посмотрел на сообщение, и вместе с появившимся на экране именем к нему вернулась привычная последовательность будущих дел, среди которых были рабочие переговоры, необходимость устранить последствия ночного происшествия и запланированная на вечер встреча в ресторане. Он любил невесту, во всяком случае, именно так привык определять отношения, которые связывали их уже достаточно долго, чтобы обсуждать совместную жизнь, недвижимость, будущие расходы и прочие обстоятельства, требующие от взрослых людей определённой согласованности взглядов. Она представлялась ему идеальной спутницей для человека, стремящегося к успеху, - образованная, привлекательная, амбициозная, умеющая вести себя в обществе и не склонная к бессмысленным эмоциональным вспышкам, из- за которых так часто рушатся даже вполне благополучные отношения.

Он быстро набрал ответ.

- Доброе утро. Спал отлично. Готов к продуктивному дню. Вечером всё в силе»

Отправив сообщение, Владимир на мгновение задержал взгляд на экране. Ему пришло в голову, что даже в общении с, как ему казалось, самым близким человеком он привык пользоваться словами, которые скорее подтверждают стабильность его жизни, нежели позволяют другому действительно узнать, что с ним происходит, и если бы невеста сейчас находилась рядом, он, вероятно, сообщил бы ей об успешном восстановлении внутреннего равновесия, но едва ли решился бы рассказать о событиях прошедшей ночи. Впрочем, подобные рассуждения не имели сейчас практического значения. Телефон погас. Предстояло заняться делами.

Владимир допил кофе, убрал посуду и прошёл в гардеробную, где выбрал свежую белую рубашку и тёмно- синий костюм, тщательно проверил положение галстука, поправил манжеты и некоторое время постоял перед зеркалом, рассматривая собственное отражение. Он снова выглядел человеком, которому можно доверить серьёзный контракт, важные переговоры и ответственность за чужие деньги. Это обстоятельство не вызывало у него никаких сомнений. Гораздо интереснее было другое - как именно воспользоваться тем, что произошло ночью, чтобы не только избежать неприятных последствий, но и превратить внезапно возникшую проблему в дополнительное преимущество. Владимир хорошо помнил, как оставил в конференц- зале горящие документы и мокрую от сработавшей системы пожаротушения мебель, понимал, что к утру помещение, вероятно, сохранит запах гари, а уничтожение подготовленного договора вызовет немало вопросов. Но страха он не испытывал. Страх представлялся ему бесполезной тратой времени, особенно в обстоятельствах, когда гораздо разумнее заранее определить все известные условия и подготовить последовательность действий. В самой переговорной камер не было, пожаротушение сработало локально, а камеры за её пределами, насколько Владимир знал, оказались выведены из строя ночным скачком напряжения в серверной, поэтому он решил исходить из того, что прямых записей произошедшего не сохранилось, хотя полностью исключить возможность расследования, разумеется, не мог. Договор действительно был уничтожен. Но только бумажный экземпляр. Цифровой исходник оставался на защищённом диске его ноутбука, и это обстоятельство позволяло восстановить всю работу без особенного труда, а при достаточно удачном объяснении случившегося даже представить происшествие как попытку сорвать сделку со стороны заинтересованных конкурентов или недовольных подрядчиков.

Владимир остановился возле зеркала. Ему понравилась возникавшая в сознании конструкция. Ночью он уничтожил собственную работу исключительно из желания разрушить то, что прежде считал важным, тогда как утром уже мог использовать оставшиеся следы разрушения для достижения вполне определённых деловых целей. И если прежде Архитектор стремился подавить Зверя, воспринимая его как опасную силу, способную уничтожить результаты многолетнего труда, то теперь Владимир впервые увидел возможность совершенно иных отношений между ними, при которых хаос создаёт обстоятельства, а разум находит способ извлечь из этих обстоятельств пользу. Конечно, подобная мысль не делала его поступка ни справедливым, ни безобидным, но именно этим различием между нравственной оценкой и практической эффективностью Владимир сейчас совершенно не собирался заниматься.

Он взял ключи от машины и вышел из квартиры. Впереди его ожидал рабочий день, который при должной организации мог оказаться значительно успешнее, чем он предполагал ещё вчера вечером. Дорога до офиса заняла ровно двадцать восемь минут. Владимир заметил это уже возле въезда на парковку и невольно улыбнулся,

хотя теперь привычная точность казалась ему не столько доказательством возможности управлять миром, сколько приятным свидетельством того, что даже после совершенно непредсказуемой ночи некоторые обстоятельства продолжают развиваться в соответствии с установленным порядком.

Город за это время успели очистить от снега. По краям дорог лежали грязноватые снежные валы, тротуары были покрыты влажной серой кашей, автомобили двигались почти без затруднений, и Владимир, наблюдая за всем этим из тёплого салона, снова вспомнил своё утреннее рассуждение о разуме, способном превращать вчерашнюю бурю в сегодняшнее удобство. Он не мог отрицать, что с удовольствием пользуется всеми плодами этого превращения.

Тяжёлый немецкий седан, климатическая система, удобные кожаные сиденья, точно работающая электроника и возможность добраться до офиса, почти не соприкасаясь с зимним холодом, представляли собой именно те достижения цивилизации, которые ещё утром он обвинял в постепенном уничтожении человеческой непосредственности. Это противоречие не смущало его. Напротив, Владимиру начинало казаться, что он постепенно учится пользоваться преимуществами обоих миров, не связывая себя необходимостью окончательно принадлежать ни одному из них.

В холле бизнес- центра было тепло и тихо. За стеклянной перегородкой находился дневной охранник, подтянутый мужчина с аккуратно застёгнутым воротником форменной рубашки, который привычно кивнул Владимиру, и тот ответил столь же коротким приветствием, не задерживаясь возле стойки и не задавая никаких вопросов. Он невольно вспомнил ночного охранника, которого почти не заинтересовало появление двух людей в промокшей одежде, и ещё раз убедил себя в том, что предстоящие неприятности вполне можно будет представить в наиболее выгодном свете.

Лифт поднял его на восьмой этаж. В коридоре ещё никого не было. Владимир вышел из кабины и сразу уловил едва заметный запах гари, сохранившийся несмотря на работу вентиляции, а затем почувствовал и лёгкую сырость, которая обычно появляется в помещении после уборки или случайно пролитой воды, только теперь он прекрасно знал, откуда она взялась.

Он прошёл к своему рабочему месту, поставил кожаный портфель на стол, снял пальто и направился к конференц- залу. За стеклянными перегородками открывалась та же комната, в которой ещё вчера он с удовлетворением наблюдал за тем, как огонь уничтожает листы подготовленного договора, но дневной свет лишил происходившее всякой таинственности, оставив лишь почерневший участок столешницы, белёсые разводы от высохшей воды и рассыпавшийся серый пепел. Владимир вошёл внутрь.

Он некоторое время стоял возле стола, рассматривая следы ночного пожара, и неожиданно почувствовал, насколько сильно различается одно и то же событие в зависимости от состояния человека, который его вспоминает. Тогда, среди темноты, холода, возбуждения и собственного стремления к разрушению, горящая бумага представлялась ему символом окончательного освобождения от прежних убеждений, теперь же перед ним находились испорченная мебель, остатки сгоревшей целлюлозы и совершенно обыкновенный ущерб, который рано или поздно придётся кому-нибудь устранять. Разум не отрицал произошедшего, он просто возвращал событиям их физическую определённость, лишая их того почти религиозного значения, которым Владимир наделил их ночью. Ему стало немного смешно, ведь если бы сейчас сюда вошёл посторонний человек, он не увидел бы никакого великого освобождения, а лишь последствия чьей-то опасной и бессмысленной выходки, и отчасти именно поэтому Владимиру было особенно приятно сознавать, что настоящий

смысл произошедшего, как он его понимал, останется недоступным окружающим. Он ещё раз посмотрел на обгоревшую поверхность стола, после чего вышел из переговорной, приготовил себе эспрессо и вернулся к рабочему месту. Теперь оставалось дождаться остальных сотрудников.

Первые сотрудники начали появляться спустя несколько минут, принося с собой привычный шум утренних разговоров, запах свежего кофе и ту особенную рассеянность, с которой люди обычно приступают к работе, ещё не вполне оставив позади домашние заботы, и Владимир наблюдал за ними поверх экрана монитора, отвечая на приветствия, просматривая электронную почту и временами поглядывая в сторону коридора. Он знал, что начальник отдела обычно появляется вскоре после остальных, проходит к своему кабинету и по дороге нередко заглядывает в конференц- зал, если после предыдущего совещания там остались документы, поэтому не испытывал необходимости самому объявлять о случившемся, предпочитая, чтобы обнаружение пожара выглядело совершенно естественным.

Игорь Борисович пришёл немного позже обычного. Владимир заметил его ещё возле лифта - привычная тяжеловатая походка, несколько небрежно завязанный галстук, усталое лицо человека, который уже с утра ожидает неприятностей от предстоящего дня, - и с неожиданным удовольствием подумал, что руководитель пока даже не подозревает, насколько основательно эти ожидания должны оправдаться.

Начальник поздоровался с ближайшими сотрудниками, на ходу просматривая какие-то сообщения в телефоне, затем направился к конференц- залу, очевидно намереваясь забрать оставленные там документы. Владимир продолжал смотреть в монитор. Он не стал оборачиваться. Ему хотелось услышать первую реакцию.

Несколько секунд ничего не происходило, затем раздался резкий возглас, настолько неожиданный для тихого утреннего офиса, что сразу несколько сотрудников подняли головы.

- Какого чёрта?!

Владимир едва заметно улыбнулся.

- Что случилось? - спросил кто-то возле кофемашины.

Игорь Борисович появился в дверях переговорной с таким выражением лица, словно обнаружил не испорченную столешницу, а полное разрушение всего отдела, которым руководил.

- Кто-нибудь вообще понимает, что здесь произошло? - громко спросил он, обращаясь скорее ко всем сразу, чем к какому-нибудь определённому человеку. - Там пожар был, бумаги сгорели, стол испорчен, немедленно вызовите службу безопасности!

Несколько сотрудников одновременно направились к переговорной. Кто-то начал звонить, кто-то пытался выяснить, когда последний раз проверяли помещение, одна из девушек тревожно поинтересовалась, не пострадало ли оборудование, а молодой сотрудник с телефоном в руках принялся фотографировать повреждённый стол, очевидно ещё не решив, кому именно собирается показывать полученные снимки. Владимир некоторое время наблюдал за происходящим. Ему было любопытно, насколько быстро привычная деловая обстановка способна превратиться в беспорядочное движение людей, каждый из которых стремится предпринять хотя бы что-нибудь, не вполне понимая, чего именно требует ситуация. Однако он не собирался оставаться простым наблюдателем. Поднявшись из кресла, Владимир поправил пиджак и направился к собравшимся возле конференц- зала сотрудникам, чувствуя знакомое спокойствие человека, который заранее располагает ответами на вопросы, ещё только начинающие возникать у остальных.

- Игорь Борисович, - произнёс он, остановившись возле начальника, - прежде всего стоит определить, что именно уничтожено, а затем уже решать, какие последствия это может иметь для нашей работы.

Руководитель повернулся к нему.

- Владимир, там ваш контракт сгорел, тот самый, который мы вчера обсуждали, вы понимаете, что это значит?

- Прекрасно понимаю, - ответил он, заглядывая в переговорную с тщательно выдержанным выражением сосредоточенности. - Более того, мне кажется, что обстоятельства произошедшего заслуживают несколько большего внимания, чем обыкновенное повреждение документов.

- Что вы имеете в виду?

Владимир выдержал небольшую паузу.

- Посмотрите сами, - сказал он, указывая на обгоревший участок стола. - Судя по тому, что мы видим, уничтожена именно папка с исправленным вариантом договора, который вчера получил предварительное одобрение, причём повреждения локализованы в одном месте, а пожаротушение сработало только над столом, поэтому я бы пока не исключал возможность того, что произошедшее было вовсе не случайностью.

Игорь Борисович посмотрел на него с явным беспокойством.

- Вы хотите сказать, что кто-то специально?...

- Я хочу сказать, что у нас пока недостаточно информации для окончательных выводов, - спокойно произнёс Владимир, хотя именно окончательный вывод уже был им заранее подготовлен. - Но существует вполне очевидная связь между уничтожением определённого документа и тем обстоятельством, что в его новой редакции мы собирались существенно изменить условия сделки, поэтому версию о заинтересованном вмешательстве следует рассматривать достаточно серьёзно.

Начальник побледнел.

- Конкуренты?

- Возможно, конкуренты, возможно, один из подрядчиков, недовольных пересмотром условий, - Владимир пожал плечами. - Пока это лишь предположения, но сам характер происшествия заставляет обратить на них внимание.

Он говорил с такой уверенностью, что окружающие почти сразу начали воспринимать предложенную им версию как наиболее вероятную, хотя ни один из присутствующих не располагал доказательствами того, что произошедшее действительно имело какое- либо отношение к коммерческому соперничеству. Владимир видел, как постепенно меняется настроение людей. Несколько минут назад они были растеряны, теперь же возможность объяснить неожиданное происшествие действиями неизвестного противника давала им хотя бы приблизительное понимание ситуации, позволяла перейти от тревоги к привычным действиям - вызвать службу безопасности, составить служебные документы, проверить оборудование и определить круг лиц, которые могли иметь доступ к помещению. Игорь Борисович нервно вытер лоб.

- Но договор, Владимир, договор ведь нужно восстановить, у нас согласование до четверга, если мы сейчас всё потеряем, совет директоров нас просто уничтожит.

- Не потеряем, - ответил Владимир. - У меня сохранился цифровой исходник на защищённом диске, так что восстановление самого текста не представляет особенной сложности, однако теперь, учитывая возникшие обстоятельства, мы имеем возможность потребовать пересмотра сроков и дополнительных гарантий безопасности, что, разумеется, следовало бы сделать незамедлительно.

Начальник смотрел на него с надеждой. Владимир продолжил, постепенно переходя от общего объяснения к тому самому плану, который составил ещё утром перед зеркалом.

- Я предлагаю официально зафиксировать происшествие, сослаться на возникшие операционные риски и уведомить партнёров о необходимости перенести окончательное согласование на сорок восемь часов, а поскольку мы не можем исключить возможную компрометацию коммерческой информации, имеет смысл одновременно поставить вопрос о дополнительных гарантиях и пересмотре нескольких спорных положений договора.

- Вы считаете, они согласятся?

- Я считаю, что у нас появилось достаточно оснований для переговоров, которые ещё вчера были бы значительно сложнее, - ответил Владимир. - Если позволите, я возьму этот вопрос на себя.

Игорь Борисович не возражал. Напротив, выражение облегчения на его лице оказалось настолько явным, что Владимир невольно почувствовал удовлетворение от собственной способности распоряжаться обстоятельствами, которые для других людей представлялись почти катастрофическими.

В течение следующих минут сотрудники постепенно разошлись по рабочим местам, служба безопасности приступила к осмотру помещения, начались звонки и служебные обсуждения, однако первоначальная растерянность уже исчезла, уступив место привычной последовательности действий. Владимир вернулся за свой стол. Он открыл ноутбук, нашёл сохранённую версию контракта и приступил к подготовке документов, время от времени поглядывая на людей, которые продолжали осматривать повреждённую переговорную и пытались выяснить, каким образом мог произойти пожар. Ему было известно, что записи камер за необходимый промежуток времени не сохранились из- за ночного скачка напряжения, однако он не собирался заранее обращать на это обстоятельство внимание окружающих, предоставляя сотрудникам безопасности самостоятельно разбираться в причинах технической неисправности. Они составляли протоколы, проверяли работу датчиков, обсуждали возможные нарушения доступа и пытались восстановить последовательность событий, переводя всё произошедшее на привычный язык служебных процедур. И именно эта картина снова возвратила Владимира к утренним размышлениям.

Он наблюдал за людьми, которые, столкнувшись с чем-то непонятным, немедленно стремились разделить происшествие на отдельные обстоятельства, определить ответственных, установить причины и подготовить меры, способные предотвратить повторение подобной ситуации, и не мог не признать, что именно в этой способности заключено одно из величайших достижений человеческого разума. Без неё любое неожиданное событие превращалось бы в непреодолимую опасность. Благодаря ей люди научились существовать среди обстоятельств, которые невозможно полностью предусмотреть, постепенно превращая даже самые неприятные происшествия в предмет исследования, расчёта и организованного действия. Но вместе с тем Владимиру казалось, что подобное стремление немедленно всё объяснить оставляет за пределами человеческого переживания какую-то существенную часть происходящего. Разум снова оказался спасителем. И снова, как представлялось Владимиру, спасение было достигнуто ценой утраты чего-то неуловимого. Ведь человек, разучившийся испытывать страх перед неизвестным, способен гораздо увереннее распоряжаться собственной жизнью, но не становится ли вместе с этим его существование беднее, если всякое непостижимое переживание он немедленно пере-

водит на язык причин и следствий, не позволяя себе хотя бы на мгновение почувствовать величие происходящего?

Владимир смотрел на сгоревшую папку, которую сотрудник службы безопасности осторожно перемещал для осмотра, и думал о том, что ночью видел в ней символ добровольного отказа от прежней жизни, тогда как теперь для всех остальных она представляла собой не более чем уничтоженный документ. Он прекрасно понимал, что именно так и должно быть в мире, где люди обязаны отвечать за последствия собственных поступков, однако в глубине души не хотел соглашаться с тем, что рациональное объяснение может окончательно исчерпывать смысл человеческого переживания. Разум дал людям возможность выживать, создавать общества и защищаться от произвола окружающей действительности, но, как казалось Владимиру, постепенно приучил их считать бесполезным всё, что не способствует безопасности, эффективности и благополучию, а вместе с этой привычкой человек рискует потерять способность чувствовать первобытную красоту, иррациональную страсть и ту странную близость к бесконечному, которую прежде нередко называли божественностью. Именно в этом он теперь видел величайшее противоречие человеческого развития - чем совершеннее становились средства существования, тем реже люди задавались вопросом о том, ради чего, собственно, им необходимо существовать. Он опустил руки на клавиатуру. Сегодня ему предстояло подтвердить это превосходство вполне измеримым результатом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.